

Илья Мартынов

РЕТЕНЦИЯ

РОМАН О ГМО И НЕЙРОТЕХНОЛОГИЯХ

16+

Илья Мартынов

Ретенция

«Автор»

2020

Мартынов И.

Ретенция / И. Мартынов — «Автор», 2020

Трэй Коулман живёт в мире, где запрещено употреблять в пищу натуральные природные продукты. Скачок в развитии генной инженерии позволил человечеству выжить во время глобального катаклизма. Корпорация "Плазмида" создала миллионы тонн генно-модифицированной еды. Благодаря этому люди пережили голод. Пережила голод и семья Трэя. Но теперь Корпорация превратилась в политическую силу, которая стала жестко контролировать власть в стране. И не всем суждено выжить в ее экспериментах. Экологическая полиция следит за соблюдением законов Корпорации и казнит неугодных. Жизнь младшей сестры Трэя в опасности из-за того, что ее организм не переносит некачественные ГМО-продукты. Ей требуется серьёзное лечение. Семья Трэя бедна, и помощи ждать неоткуда. Трэй должен поверить в свои силы, чтобы защитить близких. Что если работа на Корпорацию – единственный способ обеспечить семью? Однажды Трэй знакомится с загадочной девушкой по имени Раварта. Вместе они решают вернуть себе свободу и вкус к жизни.

© Мартынов И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Илья Мартынов

Ретенция

Глава 1

Огромный мыльный пузырь обволакивает моё лицо, он скользит по моим щекам, лбу, по кончику носа, смыкается где-то под подбородком, я жду, пока он лопнет. Но, к моему удивлению, он не лопаётся, а напротив, уплотняется и становится толще. Я не могу открыть глаза, потому что их будет колко щипать едкое мыло. Я готовлюсь к тому, что же произойдёт дальше, представляя, как горький мыльный раствор просачивается сквозь мои стиснутые губы, заполняет носовые ходы и я захлёбываюсь в попытках набрать в лёгкие воздух.

Поразительно, но мыльная пена словно размягчается, превращаясь в потоки пресной воды, затекающей в нос и уши. Вокруг меня толща воды. Я сам весь под водой. Вода везде. Я будто бы задыхаюсь. Я хочу открыть глаза. Что-то снизу толкает меня вверх. Я распахиваю глаза и рефлекторно подрываюсь с кровати, тяжело и быстро дыша. На стекле круглого окна кислотно-зелёные прямоугольные цифры высвечивают 5:45. Опять этот сон, истощающий меня изнутри. Я уже не помню, когда он пришёл в мою жизнь. Кажется, будто был со мной с рождения. В моём сне никто меня не пугает, никто за мной не охотится. Только мыльная пена, обращающаяся в воду, в которой я боюсь утонуть.

Надо бы ещё поспать, но я вряд ли усну. После подобных пробуждений обычно уже невозможно вернуть себя в сон. Сегодня мне к десяти на работу в Центр технологических исследований. Там столько безгласых угрюмцев с серыми, однообразными лицами. Даже тошно туда идти.

После часовых неудачных попыток пристроить свою голову к подушке удобным способом мои ноги сами спускаются на прохладный пол. Откуда-то снизу слегка сквозит и щекочет пальцы ступней. В круглое окно пробиваются яркие стянутые вместе снопы света. Белого, чистого и тёплого. Свет падает на полупрозрачный столик, под которым лучи раскладываются на все цвета радуги. На поверхности стола сиянием сменяют друг друга буковки и символы данных о спектре солнечного света, уровне радиации, плотности потока космических частиц и показателях магнитного поля Земли. После первых катаклизмов на планете у каждого в городе есть похожие столики. Они помогают отслеживать изменения солнечной активности и напряжённости магнитного поля планеты. Нам мало кто рассказывает о том, что случилось почти сорок лет назад.

По рассказам покойного деда, было что-то вроде мощных выбросов на солнце и сдвига тектонических плит. Мама говорит, что из-за солнца земля стала плавиться и потекла, но я думаю, что это не так. Если бы земля стала плавиться, никто бы не выжил. Земные плиты сдвинулись по какой-то другой причине. Как нам рассказывали в школе, они смещались, поднимая уровень океана, пока ббольшая часть суши не была затоплена. Остался совсем небольшой клочок земли. Границы нашего земного острова надежды облизывает мутная вода, погребшая под собой наследие человечества. Я с трудом верю в излагаемую государством слишком стройную теорию того, почему мы все так плохо живём. Но сейчас я стараюсь об этом не думать.

Вчера опять поздно лёг, тяжесть распирает голову изнутри. Я едва передвигаю ноги, полусонными глазами выискивая вдоль стены проход в коридор. Мне повезло. Меня заселили в квартиру с окнами, выходящими в просторный двор. В моей комнате с утра почти всегда светло. Интерьер здесь скуден и строг, но есть всё необходимое. Кровать, столик, потайной шкаф для одежды, несколько пустых полок (не понимаю, зачем они мне), да и всё. Прикроватную тумбу я вытащил ещё месяц назад на свалку, чтоб не занимала место. Вообще-то она при-

надлежит Корпорации, как и моя квартира, да что там – как и я сам! И тумбу выкидывать без разрешения нельзя, но я сделал это. Поздно вечером, чтоб особо никто не видел. После этого в комнате стало просторнее. Я иду босиком с чуть прикрытыми глазами. Меня слегка ведёт в сторону, я опираюсь левой рукой о гладкую полированную настенную панель, в то время как ноги, заплетаясь одна о другую, несут к ванной.

Дверь в исследовательскую приоткрыта: на прямоугольном столе два белых микроскопа с вытянутыми шеями штативов. Мои верные соратники. Молчаливые, гордые, но откровенные. Невидимое силовое поле растворяется, когда я подхожу к проёму, ведущему в ванную. Прохладные серебристые струйки, падая на лицо, смывают с меня остатки сонной пелены. Душ здесь не бывает горячим или очень тёплым, здесь экономят на подогреве. Обычно он холодный или чуть тёплый.

Включаются сушилки, и круглые капли воды с поверхности моего тела затягивает аквафильным полем в овальные отверстия, вертикально расположенные в ряд вдоль всей стены под душем. Теперь я абсолютно сух. Мама говорит, что так сушиться вредно. Поле вытягивает воду не только с кожи и волос, но и из организма. Я спрашивал об этом у техника, обслуживающего наш дом, он сказал, что это всё сказки и глупости. Я пока не знаю, кому из них больше верить. Быть может, каждый из них по-своему прав. Одно я знаю точно: сушилка – это невероятно быстро и удобно, поэтому я ею пользуюсь. Наверное, если бы это было совсем опасно, такие устройства не ставили бы в каждом доме в Центральном округе.

Я же теперь живу в элитном районе, в самом центре Мингалоса – мегаполиса, единственного города на всей сухой территории, где население превышает три миллиона человек. Здесь всё по-другому: все люди заботятся о своём здоровье и долголетию.

Моя мама и младшая сестра Никса живут на окраине Мингалоса, в квартире одного из многоквартирных домов с гниющими подвалами. Там всегда сыро. Болотистая илистая тина насквозь пропитала район, в котором я родился и жил до переезда в центр. В нескольких километрах от нашего дома начинался редкий лес с солёным болотом. За ним растянулись десятки километров вязкой сероватой жижи. Она осталась с тех пор, как много лет назад озеро вышло из берегов и затопило всё в округе. Вода отступила, но влажность осталась.

Сейчас меня мало это волнует, я перебрался в район для богатых и надеюсь однажды вытащить из нищенских трущоб маму и сестру. Мама давно на себе поставила крест, она почти не следит за собой, хотя ей ещё нет сорока. На маму я повлиять не могу, да и не хочу, взрослых бессмысленно пытаться менять, они всегда будут себя считать правее детей. Никса – другое дело. Ей всего одиннадцать, она закончит школу только через четыре года. До этого времени у неё есть шанс даже попробовать поступить в один из колледжей. Их совсем немного в городе, и в каждом из них огромный конкурс. Все говорят, что из трущоб почти никто никогда не выбирается, но я же прорвался, значит, и она сможет.

Я одеваюсь, попутно кидаю взгляд на зеркальную стену, в которой отражается тёмная каменная плитка ванной, подхожу чуть ближе и смотрю на своё лицо, ещё помятое после постели. Моё тело стало выглядеть лучше, с тех пор как полгода назад я стал ходить в бассейн и посещать тренировки по прыжкам между тумблеров – препятствий с отталкивающим силовым полем. До этого я занимался чуть меньше года рукопашным боем, но он не способствовал наращиванию рельефа. Увеличивались только сила и быстрота мышц. Но пока бассейн и тренировки не формируют из моих ста восьмидесяти сантиметров костей, мышц, жира и кожи необходимого отражения в зеркале. Лёгкая сутулость не уходит даже от хоть и редких, но интенсивных тренировок по укреплению мышц спины в зале рядом с бассейном. Руки выглядят недостаточно крупными, но ногами я доволен. В детстве мне приходилось много бегать, поэтому они у меня достаточно проработанные и рельефные. Мне хочется видеть в отражении железный пресс, но до него ещё далеко. В Центральном округе Мингалоса почти все либо

худые, либо спортивные и подтянутые. Здесь культ спорта и здоровья. Для четырёхсот тысяч жителей центра работают несколько громадных спорткомплексов.

Тёмные волосы непонятного цвета растрёпаны, они густые и непослушные. Мама в детстве мне говорила, что густые волосы нравятся девочкам. Единственное утешение. По правде говоря, я не был в почёте у девочек, потому что с восьмого класса много учился и работал, не расхаживал с задраным носом, донашивал вещи за сыном маминой знакомой из второго подъезда. Меня считали занудой. Сейчас из воспоминаний о том времени остались только волосы. Они всё так же растрёпаны с утра, но потом я их тщательно укладываю. Здесь, в центре города, нельзя ходить растрёпанным, за это могут даже оштрафовать. Здесь нельзя выглядеть неряхой и носить грязные вещи, тебя могут отправить в клетку для бездомных до выяснения обстоятельств. Здесь нельзя бранно выражаться или ругать руководство Корпорации, за это могут посадить в тюрьму. Это плата за красивую и сытую жизнь.

Здесь много еды, самой разнообразной и вкусной, аппетитной и сочной, растительной и животной, полностью генно-модифицированной.

Глава 2

– Трэй Коулмэн, пожалуйста, не забудьте сегодня явиться в зал обсуждений за двадцать минут до начала сеанса вашей работы, – растекаются в коридоре звуковые волны женского голоса из аудиораспылителя.

Как же странно слышать своё имя. Даже за несколько лет работы в главной Корпорации страны я так и не привык слышать его. Мне напоминают о заседании. «Там же совсем нечего делать», – уныло заключаю я. Каким-то чудом в четырнадцать лет я был зачислен на курс экспериментальной (так называемой) инновационной программы по нейронаукам. Я попал на год раньше, потому что поступил в школу в пять лет, а не в шесть, как остальные дети. Для меня это огромная удача. Я не из тех заевшихся городских пижонов, за которых смогли замолвить словечко или внести нужную сумму для поступления. За моё обучение платила Корпорация. Почти за всё в городе и в стране платит Корпорация. Они монополисты практически во всём.

Первый год я прилежно отработывал учёбой потраченные на меня деньги. Я не пропустил ни одного занятия. Ходил даже с высокой температурой, шатаюсь от головокружений. Однажды голову из-за гриппа окутал такой дурман, что я перепутал одного из преподавателей с приятелем по курсу, за что мне был сделан строгий выговор и снята часть выплачиваемой стипендии на следующие полгода. Но даже несмотря на это я продолжал прилежно учиться, хватаясь всеми руками и ногами за спасительную соломинку – колледж.

С третьего семестра меня стали переводить на работу в Корпорацию, засчитывая её в качестве учебной практики. Сначала я приходил 2–3 раза в неделю на несколько часов, но потом стал проводить на территории Корпорации времени ещё больше. Потом, честно говоря, не помню, что со мной происходило. Совсем ничего. У меня словно бы случаются провалы в памяти. Вернее, случались, сейчас вроде уже нет. Я ходил в университетскую клинику, но доктор холодно мне сказал, что это нормально. Сканирование клеток мозга и связей между ними не выявило ничего особенного. В тот момент я совсем немного знал об этом, поэтому подробно расспрашивать о состоянии мозга врача не стал. Иногда я не могу вспомнить даже имена преподавателей с третьего курса или то, как они выглядели. Меня это пугает, до поступления в колледж со мной такого никогда не случалось. Это не мешает мне работать, всё, что надо, я хорошо помню, но некоторые моменты не могу вспомнить в деталях. Надеюсь, однажды я разберусь в этом вопросе и восстановлю память. Главное – что я не забыл свою семью, свой дом и откуда я. Мы – то, что мы помним. Больше у нас ничего нет.

В этом году моя практика прошла в лабораториях на работе, правда вот уже как три месяца мне разрешили бывать в них не чаще трёх раз в неделю. В остальное время я посещаю колледж и дописываю диплом, тесно связанный с новейшими разработками Корпорации. Не могу сказать, что мне нравится писать диплом. Склеивать фразы в предложения, создавая бесконечное полотно текста, невыносимо однообразно и занудно. Временами совершенно не знаешь, что вообще можно написать. Меня выручают практические наработки в лабораториях Корпорации. Отчёты я включаю в содержание дипломной работы. На них я буду опираться во время защиты этим летом.

– Трэй Коулмэн, старший сотрудник отдела, подтвердите своё участие, – не унимается мелодичный голос женщины, которую я миллион раз слышал, но никогда не видел вживую. Интересно, она вообще существует или это имитация?

Я вылетаю из ванной, проскакивая через силовое поле. Меня успевают тряхнуть и слегка подбросить в воздух. Мышцы рук и ног свело. Скулы напряжены, ощущения внутри них болезненны. Я опять забыл выключить свет, сработал предохранитель силового поля. «Чёрт, когда же я, наконец, выучу это простое правило – провести ладонью по правой плитке сбоку от про-

ёма, и свет сам гаснет, – думаю я, немного приходя в себя после встряски. – И зачем вообще эти силовые поля, что за болван их придумал!» Руки и ноги отпускает.

– Подтверждаю своё участие, – слегка запыхавшись, отвечаю я и по холодку вдоль спины понимаю, что стою в одних трусах. Хорошо, что с той стороны аудиораспылителя меня сейчас могут только слышать, но не видеть.

– Заявка подтверждена, – журчит всё тот же приятный женский голос. Зачем она говорит «заявка»? Я не подавал никаких заявок. Это инициатива отдела – отправить меня на собрание. Я не хотел этого. Ладно, без толку мусолить свои нехотения в мыслях, это всё равно ничего не изменит. Мне в любом случае там нужно появиться.

Я неспешно иду в комнату, уже чуть бодрее. Сковывающие ощущения после воздействия силового поля рассасываются. Я начинаю одеваться. Одежда удобно прилегает своей шелковистостью к телу. Таких вещей я никогда не носил в нашем округе. Первый раз я надел форму в пятнадцать лет, когда проступил в Университетский колледж, спонсируемый Корпорацией. Я совершенно не чувствовал эту одежду. Она сидела на мне настолько удобно и комфортно, что складывалось впечатление, будто её вообще не существует. Штопаные ситцевые рубашки, натирающие подмышки, поношенные, местами протёртые, тысячу раз стиранные тёмные джинсы, дырявые кеды – из таких вещей складывался мой скудный гардероб. После всех мучений и терзаний по поводу дискомфорта во всём теле удобная, эластичная одежда из современных технологичных материалов казалась мне космическим чудом. Я боюсь даже думать, во сколько она обходится Корпорации. За годы учёбы носить современную одежду стало уже привычным делом. Иногда удаётся что-то прихватить для мамы у коллег-женщин, которые желают избавиться от ещё вполне приличных на вид вещей. Маме нужнее комфортная одежда. С тех пор как погиб Дэйв – мой отчим, она осталась одна обслуживать квартиру и кормить наши с Никсой вечно голодные рты.

В животе урчит, надо бы подкрепиться. Следую на кухню. Проём, ведущий туда, располагается с той же стороны, что и вход в исследовательскую. В квартире, любезно предоставленной мне Корпорацией, нет столовой или даже намёка на неё. Только кухня, где стоит крохотная плита, холодильник и небольшой выдвигающийся столик. Кухня маленькая, но светлая и приятная. Когда Никса первый раз приехала меня навестить полтора года назад, она была так сильно удивлена кристальной чистоте на кухне, что тут же с восторгом воскликнула: «Здесь как в домике из листочков белой бумаги!» Она приложила свою малюсенькую бледную ладошку с сиренево-синими мраморными прожилками к сверкающим белизной панелям на стене кухни и провела ею до пола. «Какая скользкая! Я думала, она окажется шершавой», – удивлённо вскрикнула она и, заулыбавшись, кинулась ко мне обниматься. Никса тогда едва доставала макушкой до моего пупка. Невозможно даже вообразить, насколько она была счастлива в тот момент, когда наконец-то вырвалась из затхлого гнилостного района с покосившимися чернеющими от грибка стенами и очутилась здесь, в светлом, чистом доме, на сверкающей кухне. Хотя Никса и не единокровная мне сестра, у нас нет никаких разграничений. Она любит меня как кровного брата. После смерти её отца Дэйва семь лет назад я стал для Никсы кем-то вроде старшего опекуна, почти родителя.

Я вырываюсь из потока мыслей о семье и подношу руку к полупрозрачным створкам холодильника. Они моментально отворяются, и моя рука тянется к сочному помидору. Не знаю отчего, но сейчас я хочу отправить в рот кусок именно этого насыщенно-красного, спелого фрукта (да-да, помидор – это фрукт, сам долго удивлялся, когда узнал).

Несколько помидоров вчера принесла служба доставки еды. Я их тотчас убрал в холодильник, чтоб наутро они сохранили свою свежесть. Предвкушая, как бархатистая мякоть будет таять на моём языке, а сладко-солоноватый сок потечёт по нёбу, я откусываю помидор. Мои зубы вонзаются в плоть помидора, но в этот момент происходит что-то совсем не то, что я себе вообразил. Вместо сочного, бархатистого, нежного привкуса на моём языке остаётся про-

горклый, водянистый осадок. Мои глаза начинают бегать в поисках места, куда можно выплюнуть кусок отвратительной гадости. Замечаю открытый под подоконником пустой контейнер, в котором мне принесли вчера еду, и поспешно сплёвываю в него откушенный кусок. Следом плюхается и сам помидор. С омерзением смотрю вниз на вытекающую из фрукта водянистую субстанцию. Во рту неприятно вяжет, как будто меня заставили съесть стакан черёмухи и закапали сверху йодом. Вкус того и другого я помню с детства.

– Мистер Коулман, полчаса до выхода, – произносит из коридора женский голос.

«Какие полчаса?! – бормочу я под нос, глядя на часы. – Здесь пешком прогуляться меньше десяти минут». На часах тем временем 8:21. Моя рука тянется в холодильник, чтобы всё-таки что-нибудь выудить оттуда. Желудок сильно урчит. Вчера я его оставил без ужина. Нащупав гладкий пакет с творогом, я уныло вытаскиваю его из прохладной камеры. Творог из искусственного молока, кислый и бесполезный. Комки молочной субстанции оседают на зубах, отчего те неприятно скрипят. Хочется выплюнуть, так же как и помидор. Я доедаю, потому что впереди длинный рабочий день с одним перерывом на обед. Корпорация нас кормит разной едой, иногда даже весьма съедобной, но временами попадает совершенно невыносимая. Я представляю, каково моему желудку всё это переваривать. «Никсу бы вообще вывернуло от всего этого», – проносится в голове.

У моей сестры с детства аллергия на некоторые белки, содержащиеся в генно-модифицированных продуктах. Она старается их избегать. После приёма такой пищи у неё распухают щёки, лицо делается пунцово-красным, она кашляет и задыхается. Единственный доктор на весь район, иногда заскакивающий к нам в квартиру, приносит самые дешёвые противоаллергические таблетки. Только на них Никса и живёт. Из леса я раньше приносил ягоды, грибы, некоторые коренья. Дедушка меня научил немного в них разбираться. От него у меня тяга к естественным наукам. В своё время, чтобы прокормить нас, он входил в радиационную испытательную камеру и проводил там опыты. По образованию он вроде был химик, но я точно этого не знаю. Мама сама путается, кем был её отец – мой дед.

После обширных затоплений и сокращения части суши были повреждены многие заводы, фабрики, размывта почва полей с растительными культурами. Люди стали стекаться в центральные регионы, куда вода на материке не добралась. От страны осталась треть. На наших школьных картах материк с двух сторон покрашен голубой штриховкой. Это значит, что там сейчас вода, а раньше была суша. Страну разделили на одиннадцать регионов и дали название Аридафия. Несколько десятков лет назад страна называлась по-другому, но об этом говорить запрещено. На уроках географии и истории нам рассказывали, что совсем немного суши клочками разбросано по планете. Земля сделалась по-настоящему голубой. Наверное, из космоса один сплошной водянистый шар с облаками.

Я никогда не был в космосе, но, должно быть, там безумно интересно. Как бы хотелось там однажды очутиться. Я люблю путешествовать, точнее, перемещаться в доступные места. Была бы моя воля, я бы стал географом-путешественником. Мистер Вандервал, наш учитель географии, как-то говорил, что вода убывает и постепенно суша отвоёвывает свои законные территории. Я склонен ему верить.

На планете всё быстро меняется. Многие виды растений, насекомых, птиц и животных исчезли из-за климатической катастрофы. Потребовалось выводить новые сорта растений и новые подвиды животных. На базе нескольких институтов и сельскохозяйственных предприятий создали Корпорацию, которая и занялась обеспечением продовольствием людей. В Корпорации проводили многочисленные эксперименты, пытались ускорить процесс мутаций самыми разными способами. Наш всегда немного циничный школьный учитель биологии однажды сказал: «Спасая свои драгоценности и деньги, люди позабыли спасти свой самый главный клад – знания. Когда всё стало топить, нужно было сохранять технологии, а не набивать карманы золотом и бежать».

Лишь спустя несколько лет, когда я начал учиться в колледже, я сумел понять, о чём он говорил. Многие методы генной инженерии и отлаженные технологии действительно были утеряны, их пришлось восстанавливать, наработывая новый опыт, иными словами, вновь изобретая велосипед.

Так мой дед стал одним из участников этого безжалостного испытательного плацдарма. Мама рассказывала, что, когда с едой всё было совсем плохо, он часто сам подряжался идти в радиационную камеру. Желающих было немного, поэтому его там только приветствовали. Вечером в своих руках с распухшими чернеющими венами он приносил хлеб, масло, немного сушёных фруктов и сыр. Деньги ему выдавали в конверте, но на них всё равно было трудно купить еды. Витрины продовольственных магазинов пустовали. Ночью мой дед кряхтел и кашлял, ворочаясь и будя всех своими протяжными стонами.

К удивлению всех, дед прожил довольно долго, дотянув почти до семидесяти лет. Я помню его лишь до своих девяти лет. Он ходил с палочкой, кряхтел. Все его суставы, разъеденные облучением и химией, скрипели с невыносимой болью. Правда благодаря удивительной жизнестойкости это не мешало ему оставаться бодрым и энергичным. Я им всегда по-настоящему восхищался. Скрюченный суровой болезнью, едва разгибавший воспалённую спину, он гордо вышагивал по заболоченному лесу, расчищая тростью дорогу от кустиков брусники. Он стал для меня примером мужественности и стойкости.

Его не стало в тот год, когда мне должно было исполниться десять. Я лишь помню его совсем почерневшие, будто налитые синеватым свинцом жилы и спокойное лицо с закрытыми глазами, рыдающую мать, грустную бабушку. Он мог бы пожить ещё, но радиация бескомпромиссно забрала у него десятков, а может, и несколько десятков лет его бодрой и энергичной жизни. За кусок хлеба Корпорация потребовала здоровье и жизнь родного человека.

Корпорация забирала не только здоровье, но и устраивала закономерный передел власти. В Аридафии ещё тридцать лет назад существовали исторически оставшиеся от предыдущего государства три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Сенат и Совет представителей от регионов избирались из числа обычных людей. В стране был президент и худо-бедно работали суды. В Совет представителей постепенно стали набирать выдвиженцев от Корпорации. В первое время их могло быть не более десяти процентов, но со временем это число довели до половины.

Сперва Корпорация была государственной, общей, но потом одна группа людей исхитрилась реорганизовать её в частное предприятие. Они же выдвинули своих людей в Сенат, который теперь почти полностью состоит из членов Корпорации. Президент в стране стал постепенно терять позиции. Корпорация же, напротив, начала сама обеспечивать людей работой и пропитанием. Год от года еды становилось всё больше. Корпорация не пошла по пути завоевания власти, она тихо нанесла удар по самому слабому месту людей – чувству голода. Постепенно один за другим регионы подчинялись всесильному влиянию этой организации.

Корпорация монополизировала все новые сектора хозяйства страны. Втайне от президента, а возможно, с его молчаливого согласия, члены совета Корпорации начали разрабатывать летательные аппараты и корабли, оснащённые вооружением. Несколько лет это держалось в секрете, пока два года назад оккупированный корпоратами Сенат не объявил импичмент президенту и не попросил его добровольно уйти с должности. С тех пор многое изменилось, законы ужесточились. Корпорация стала управлять страной, ставшей её частью. Столицу окончательно перенесли в Мингалос, а исполняющим обязанности президента страны стал глава Корпорации Кейн Рид.

До выборов нового президента разрешалось в ограниченном объёме выращивать свои собственные сорта домашних культур и употреблять растения из леса. Два года назад это строжайше запретили. Теперь в пищу можно использовать только продукцию, произведённую на фабриках Корпорации. Если о нарушении узнаёт экологическая полиция, провинившегося

сажают в тюрьму. Тех, кто занимается выращиванием и продажей натуральных овощей, фруктов или животных, могут расстрелять.

Мама не раз оброняла, что изменения в законах принесли в семью одно горе. Бабушка не застала нововведений, она спокойно кормилась из леса летом, делая запасы на зиму. В конечном счёте я и мама нормально перенесли тотальный переход на генно-модифицированные продукты, но вот Никса часто сваливается с приступами. Это мешает не только её здоровью, но и учёбе. Я переживаю за неё. Иногда я хочу постучаться в отдел биомедицинских исследований и сказать им: эй, ребята, может, изобретёте что-нибудь противоаллергическое от корпоративной дряни? Правда, вряд ли мы кому-то нужны с нашими мешанскими проблемами...

Кое-как доев, я встаю из-за столика, который тотчас же вдвигается обратно в стену. Я направляюсь в комнату, где в течение сорока минут изучаю компендиум со списком работ на сегодня. «Построение коннектомов в височных долях fx589s, прицельная стимуляция мозжечковых проводящих путей у объекта Румбус-44... Так, это понятно, что-там дальше? – проговариваю я полушёпотом. – Где же? А вот... Завершение анализа метаданных по распознаванию мыслительных образов...»

Откладывая компендиум в сторону на кровать, я понимаю, что сегодня вновь насыщенный день с десятками самых разнообразных задач. Впрочем, каждый рабочий день в Корпорации именно такой. У всех пятидневная рабочая неделя. Но часто люди выходят на работу и в субботу, поэтому остаётся всего один выходной. У меня бывает так, что даже его не получается провести с пользой для себя. Прошлой воскресеньем я готовил длинный отчёт и лёг почти в два ночи. Сегодня среда, до выходных ещё три рабочих дня вместе с этим, поэтому я стараюсь держать себя в тонусе.

На оконных часах 09:25. Свет гоняет перламутровые блики по стеклу. На улице уже вовсю печёт яркое весеннее солнце. Если верить старожилкам, несколько десятилетий назад оно пекло не так сильно. Я натягиваю тонкие серебристо-белые брюки, сверху набрасываю светлую рубашку из ткани джерси, пронизанной нановолокнами. На плечи как влитой садится тёмно-синий пиджак из шёлка и кашемира. Это моя рабочая униформа. Да, Корпорация на одежде не экономит. Руководству важно, чтобы сотрудники одевались со вкусом и выглядели почётно. Мне нравится то, как я одет. Четыре года жизни в деловом центре города научили меня разбираться в одежде.

Я выхожу на лестничную клетку. Её просторы отражают гулкие шлепки подошв моих ботинок. Вокруг пахнет фиалками и чем-то ментоловым. Я знаю, это синтетический ментол, но мне всё равно нравится. От начальника дома я однажды узнал, что ментол не только морозит воздух, но и осаждается на поверхности кожи жильцов и придаёт их лицам бодрый и свежий вид. В городском центре все должны выглядеть безупречно.

У меня вся эта клоунада вызывает смешанные чувства. С одной стороны мне приятно, что люди за собой следят, но здесь это превратилось в некий культ нарциссического бешенства, граничащего с помешательством. Люди сделались противоестественными, став больше похожими на манекены. Многие жители Центрального района даже не хотят лишний раз улыбнуться, потому что это приводит к появлению мимических морщин.

Я иногда скучаю по родным, тёплым и по-настоящему душевным людям окраин. Их лица иногда красные, иногда розово-румяные или загорелые, на них можно увидеть множество морщин, настоящих, не скрываемых. И всегда ясные, блестящие, искренние, светящиеся изнутри глаза. Бывает, идёшь вдоль посёлка из деревянных построек на самой окраине у болота. Там сидят старики и старушонки, одетые бедно, в штопаное, но всегда чистое. Смотришь в их глаза, а там отражаются крохотные белёсые блики света. Коричневые, тёмно-серые, зелёно-бурые крапинки украшают радужки их глаз, не по годам детских и добрых. Эти старики никогда не задирают голову.

Всякий раз, прогуливаясь вдоль этих домов с сидящими на порогах пожилыми людьми, я вспоминал свою бабушку и её тёплые руки. Всё её лицо измяла старость, словно превратив в постиранную наволочку, стерев былую красоту молодости, но вот руки пожалела. Жизненная сила не позволила времени изрезать впадинами ладони. Они у бабушки всегда были как будто молодые. Всегда мягкие, нежные, почти без жилистых морщин, как бывает у других стариков. С мыслью о бабушке я спускаюсь в лифте. Мне всегда тепло и хорошо на душе, когда я думаю о ней.

Мне кажется, я всё-таки простой парень, намного проще, чем все эти франты из Центрального округа, но я должен мимикрировать¹ и притворяться, чтобы не выдать себя. Я вынужден подражать их повадкам, их надменным и точёным, как будто бы ленивым движениям, копировать их слегка задранный вверх кончик острых подбородков. Иногда я увлекаюсь, и мне словно начинает это нравиться. В такие моменты я с испугом отмечаю, что становлюсь похожим на них.

Но сейчас внутри за грудной клеткой слева растекается тепло, тепло светлой памяти о руках моей бабушки. Последнее, что вынимаю из воспоминаний о ней, – сухие слёзы в глазах матери, когда она вернулась с похорон почти пять лет назад. Бабушка так и не застала моего окончания школы, но она так хотела нарядить меня в праздничный костюм.

Створки лифта размыкаются, и я сразу попадаю во двор нашего многоквартирного дома. В Центральном округе нет частных домов, в основном здания Главной корпорации страны. Все эти постройки величественны и монументальны. Каждая из них передаёт свой неповторимый стиль и отражает руку мастера-архитектора, проектировавшего её. После затопления часть зданий, в особенности высотных, разобрали, какие-то укрепили и перестроили. Центральный округ сверху похож на многослойный круг. Каждый периметр круга вписан в больший по нарастающей от центра к окраинам. Многие строения возведены в форме дуг, являющихся частью своего периметра. В своё время я насчитал в городе одиннадцать таких периметров. Внешний периметр отделён красивым высоким забором, вход в центр строго по пропускам.

Примыкающие к центру районы строились преимущественно для obsługi центра. Дальше разбросаны районы для богатого и среднего класса. А за их границами начинаются беспросветные трущобы бедняков, с юго-востока переходящие в деревянные строения стариковского посёлка. Средний возраст жителей этого селения больше восьмидесяти лет. Туда свозят стариков, немощных, больных и одиноких. Они не нужны ни бедным трущобам, ни богатому, динамичному центру, они уже отработанный материал.

В своё время мама отвезла туда на попечение и бабушку. Я до сих пор ей не могу этого простить. Бабушка там не смогла прожить и полутора лет. Её горло сдалось в плен лёгочному кашлю, а ноги перестали слушаться. Я старался навещать её, когда вырывался из дома. Видел, что с каждым днём её некогда блестящие стёклышки глаз тускнели, делаясь блёклыми и невыразительными. Её глаза мутнели подобно доньшку старой тары, на десятилетия запрятанной в дальний тёмный угол со свисающей по стенам паутиной. И однажды пришло известие о её кончине, тихой и безмолвной...

Я шагаю по серо-серой плитке пространства между четвёртым и третьим круговым периметром. На плитке дифракционное покрытие. Когда лучи света в полдень попадают на него, поверхность переливается разноцветными бликами в виде геометрических фигур, подогнанных своими гранями одна к другой. Я смотрю под ноги, пытаюсь увидеть дифракционный световой рисунок, но солнце ещё не в зените, и плитка бледна. Я ускоряю шаг, боясь опоздать на

¹ Мимикрировать (прим. автора) – (в зоологии) приобретать защитное эволюционное приспособление организмов для имитации других животных или растений или предметов окружающей среды; (у человека) приобретать способность маскировать свои взгляды, поступки, образ жизни под определённые обстоятельства.

собрание перед рабочим днём. Пересекаю второй кольцевой периметр, проходя под высокой аркой.

Слева возвышается один из центральных корпусов исследовательского комплекса Корпорации. Какое-то время я иду и разглядываю зеркальные, абсолютно гладкие остеклённые поверхности здания. Оно сияет сапфирово-синим оттенком с оранжево-жёлтыми отблесками солнечных лучей на гранях. Здание спереди похоже на усечённую вытянутую пирамиду. Очень сильно вытянутую. Сверху от самой крыши отходит полудуга, уходящая кзади до самой земли. Таких строений насчитывается целых пять. Местные их называют «пятернёй» или «близняшками».

Я отворачиваю голову и теперь смотрю прямо. Передо мной возвышается невероятных размеров, закрученная в двойную спираль, стремящаяся в самые небеса громада. Некоторые жители города называют её ДНК. Здание ДНК главное в ансамбле. Сегодня ДНК на месте, спирали неподвижны, значит, все в городе, даже президент Корпорации. Вдоль левой волнистой поверхности здания вертикально выстроены крупные белоснежные буквы PLASMIDA. Корпорация названа в честь кольцевых молекул ДНК, которые могут самостоятельно себя копировать.

Основная деятельность компании вращается вокруг производства генно-модифицированных растений и животных. После катаклизмов условия на уцелевших участках суши сильно изменились, климат сделался капризным и непредсказуемым. Пришлось выводить новые сорта растений и животных. По крайней мере нам так объясняли в школе, а потом и в колледже. Но Корпорация занимается не только этим. Несколько лет назад открыли отдел исследований мозга, в который меня приняли на работу ещё студентом. Именно туда я сейчас и направляюсь. Это здание-близнец справа от головного корпуса.

Я поспешно запускаю руку в нагрудный карман пиджака и нащупываю вытягивающий тепло металл цилиндрического жетона. Пальцы ощупывают поверхность на верхней грани цилиндра. Там красуются два витка спирали ДНК. Мои пальцы уже привыкли к этому рисунку. Если бы я был незрячим, то, наверное, узнавал бы этот символ лучше всех остальных. Вынув жетон, я бросаю не него беглый взгляд. Цилиндр влажный от пота. Почему я сегодня нервничаю? Обычное утро перед самым заурядным рабочим днём.

На входе стоят два металлических дройда с синтетическими вставками вместо суставов. Это последние модификации охранных боевых роботов. Они сканируют моё лицо. Этого не видно со стороны, но я знаю, что их датчики скользят по всем неровностям и шероховатостям моей кожи, анализируют цвет и форму зрачка, сопоставляют с хранящейся в базе данных информацией. Створки входных дверей растворяются, меня пропускают внутрь, и я прохожу дальше.

Передо мной восьмигранное ограждение с блоком для предъявления цилиндрических жетонов. Ограждения сложено из металлических перекладин, замыкающихся в единый периметр. В центре ограждения платформа с тремя лифтами. Несколько охранников о чём-то беседуют. Один толстяк, он явно злоупотребляет ГМО, и двое худых и поджарых. Самый полный стоит спиной. Услышав мои шаги, он разворачивается. Двое других кивают, натягивая улыбки и тут же горделиво запрокидывая головы.

– Доброе утро, мистер Коулман, – добродушно улыбаясь, произносит он. С его волос на лбу скапывает пот. Видно, что чрезмерный вес затрудняет теплообмен, охраннику нелегко в весенне-летний период, когда солнце нещадно прогревает всё здание. Системы кондиционирования работают только в верхних этажах, внизу их нет. Вероятно, в целях безопасности или по каким-то другим причинам.

– Здравствуйте.

– Как ваше настроение, мистер Коулман? – спрашивает тот же охранник.

Зачем он это делает? Какая ему разница, какое у меня настроение? Ему же абсолютно плевать, как и всем вокруг.

– Спасибо, хорошо, – спокойно отвечаю я, слегка поджимая губы.

– Вставляйте ваш жетон в этот проём, – произносит он и указывает ладонью на круглое отверстие с ярко-зелёным ободом вокруг на верхней грани полутораметрового цилиндрического блока. – Впрочем, вы и сами всё знаете, мистер Коулман, – словно почувствовав моё смущение и раздражение, добавляет охранник.

– Да, сейчас, – отрёшённо отвечаю я и опускаю жетон в цилиндр.

Раздаётся одобрителный сигнал, и одна из металлических перекладин ограждения опускается вниз, открывая проход. Теперь я увижу свой цилиндрический жетон, только когда доберусь до своего отдела. По системе трубок он проследует прямо до самого рабочего места. Лифт сам меня отвезёт на нужный этаж, а потом закроет свои двери и спустится обратно вниз. В Корпорации не любят незваных гостей. Всё работает так, чтобы обезопасить здания от несанкционированного проникновения посторонних.

Лифт довозит меня до шестого этажа, и я слышу, как уже набивший оскомину знакомый женский голос объявляет: «Пять минут до начала собрания в отделе нейроморфных исследований».

Спокойно сворачиваю направо и двигаюсь в сторону переговорной, где мне не рады, здесь вообще никому не рады. Радость, грусть, печаль, веселье для многих из этих людей незнакомы. Их лица практически всегда отражают лишь одно – холодное безразличие. В помещении светло до неприязни. Эта белизна стен словно просвечивает тебя насквозь, утомляя глаза. Я начинаю часто моргать, окидывая взглядом присутствующих.

Все сидят вдоль длинного сильно вытянутого эллипса поверхности стола, отливающей серебристым металлом. Их здесь человек двадцать, я знаю лишь некоторых, с кем-то встречаюсь на обедах или в перерывах, но почти никогда не разговариваем. За их спинами три больших окна, свет слепит, глаза самопроизвольно щурятся. Сквозь яркие потоки успеваю заметить здоровяка Тода и черноволосую Агафию, они о чём-то переговариваются полущёпотом. Почти все стулья заняты.

Я немного привыкаю к свету. Ещё раз окидываю всех взглядом. На меня устремляются несколько десятков глаз, обычно безразличных, но сегодня будто бы смотрящих в мою сторону с укором. Я киваю и протискиваюсь между стеной с окнами и стульями к единственному свободному месту рядом с Агафией. Она сжалась надо мной и оставила стул специально для тех, кто приходит впритык, – для меня. Я у неё не спрашиваю, но уверен, что именно так и было. Пока я протискиваюсь, в центре стола Фредерик Пош – руководитель отдела нейроморфных исследований, сорокалетний светловатый мужчина с лёгким намёком на бакенбарды (единственный, кто помимо Агафии и Тода способен на какие-то эмоции в этом сонном царстве) берёт вступительное слово, чтобы ввести собравшихся в курс дела.

– Друзья, коллеги, – начинает он словно играючи, – сегодня у нас не просто собрание, а юбилейное событие. Ровно пять лет назад в этот день в Корпорации был создан отдел нейроморфных исследований, как вы все хорошо знаете, задачей которого является изучение возможностей человеческого мозга и влияния различных факторов на человеческий мозг.

Я слушаю вполуха, наконец, примостившись на сиденье по левую руку от Агафии.

– Ты чего опять впритык? – спрашивает она шёпотом на фоне говорящего Поша.

На её лице недоумение. Я бы мог не реагировать, но она точно чувствовала себя смущённой, когда просила никого не садиться рядом с ней. Мне следует извиниться, но я не хочу, поскольку формально я не опоздал, а пришёл вовремя. Я и без того частенько работаю дома до полуночи, доделывая отчётную работу или возясь с образцами в домашней исследовательской лаборатории.

– Эмм, да маме звонил, – отчего-то вру полущёпотом я, слегка розовея. – Нужно было.

Мне не хочется врать, но приходится. В этом обществе будто бы не получается без лжи. Тебя так зажимают неудобными вопросами и упрёками, что врёшь с каждым днём всё больше, это становится частью обыденности. В центре все должны быть идеальными и иметь безукоризненную репутацию. Я не знаю, отчего я вру больше – от желания казаться лучше, чем я есть на самом деле, или оттого, что боюсь быть отвергнутым этим элитным обществом и навсегда брошенным в трущобах без малейшего шанса для себя и Никсы.

– Ты успел сегодня посмотреть план работ? – шепчет следующий вопрос Агафия.

Её шелковистые, смоляные длинные пряди спадают на плечи, а ореховые глаза сияют живым огоньком пытливого ума. В коже Агафии заметен лёгкий кофейный оттенок. Она блещит в солнечном свете, бесцеремонно разбрасывающем свои лучи через оконный проём. Она единственный человек, который способен искренне говорить со мной. Но даже она будто бы успела покрыться налётом чопорности и надменного безразличия к своим двадцати четырём годам.

– А, понятно. Сегодня объявят... – Она не успевает дошептать.

Тод толкает локтем Агафию в правый бок, она тотчас разворачивается и одаривает его сердитым взглядом. Он задирает бровь, хмурится и едва заметным движением головы указывает в сторону говорящего начальника отдела. Мы оба смолкаем.

– В этом году мы запускаем новый масштабный проект, уважаемые коллеги, – продолжает вещать начальник Пош, – по нейроуправлению дистантными объектами с помощью трансляторов волновой активности мозга.

«Что-то знакомое, – проносится в моей голове, – говорят же про нашу разработку». Мои мысли где-то далеко. Зря я соврал Агафии, что говорил с мамой. Мой мозг теперь прокручивает воспоминания о доме, о маме, о Никсе. «Совсем забыл. Нужно забронировать билет на поезд до нашего района. В выходные я еду в родную квартиру», – думаю.

– Занимается этими исследованиями вместе с написанием дипломной работы по этой же теме мистер Коулман, – глядя в мою сторону и хитро улыбаясь, произносит Пош. – Мистер Коулман у нас главный претендент на то, чтобы возглавить лабораторию нейроуправления дистантными объектами силами нашего мозга.

«Что?! – разрывается внутри меня. – Возглавить лабораторию?!!»

– Мистер Коулман, приподнимитесь, пожалуйста, пусть все на вас посмотрят, – глядя на меня в упор, просит начальник Фредерик Пош.

Я встаю, заливаясь краской. Мой взгляд косится вправо на Агафию. Вообще-то это она должна возглавить лабораторию, она старше и опытнее. Мне будет девятнадцать, а ей уже двадцать четыре. Она намного дольше меня работает в Корпорации. Я стараюсь не вглядываться в выражение её глаз. «Чёрт, всё равно поймал», – думаю я, больно прикусывая губу. В её взгляде читается недоумение вперемешку с растерянностью, такой, какая случается обыкновенно с людьми, ожидавшими услышать нечто совсем иное, касающееся их самих.

– Так вот, мистер Коулман, – продолжает Пош, – может возглавить лабораторию в случае, если успешно сдаст выпускные экзамены, которые у него через три... эээ, верно, ведь? Или четыре?.. – уточняет он.

– Что? – не сразу соображаю я, но тут же вдруг включаюсь и отвечаю: – Через двадцать четыре дня.

– Ну и славно. Мы желаем успехов мистеру Колуману, – подбадривающе произносит Пош. – Садитесь, пожалуйста.

Я выпалил число двадцать четыре, потому что каждый день отсчитываю дни до начала экзаменов. Самого значимого события в моей жизни. От них зависит всё дальнейшее в моей судьбе. Работа, карьера, жизнь в Центральном округе и, конечно, судьба Никсы.

Ещё несколько минут начальник говорит о приоритетных исследованиях, о планах по выделению дополнительных средств отделу. Все сидят с каменными лицами и молча слушают, даже Агафия. Я могу лишь догадываться, о чём она думает.

В конце собрания все тихо, почти бесшумно поднимаются со своих мест и начинают расходиться. Первым встаёт из-за стола Карвин с бледным, как белая мука, лицом и зализанными набок тёмно-русскими волосами. За ним поднимается Тод, почти одновременно с ним встаёт Агафия. Я сижу не шелохнувшись, пока не остаюсь один на один за столом с начальником, всё ещё окаменелый и даже испуганный.

– Это личное распоряжение главы Корпорации, – кивая и улыбаясь, говорит мне начальник Пош, просматривающий очередной отчёт на поверхности стола с его стороны.

– Да, спасибо.

– Мы в вас верим, мистер Коулман, – последние слова Поша перед тем, как он встаёт и уходит.

Я тоже медленно поднимаюсь и выхожу. В голове нервом натянуты² несколько мыслей о том, что делать дальше. «Какое вообще дело президенту самой большой Корпорации до меня? – встревоженно думаю я. – Может, Пош всё врёт, чтобы меня как-то взбодрить? – проносится следующая мысль. – Да вроде Пош не такой человек. Во всяком случае не замечал за ним такого».

Я следую дальше по коридору, направляясь в сторону нашей лаборатории. Ворох тревожных мыслей продолжают вертеться в голове. Я не боюсь ответственности, нет, напротив, я хотел бы повышения, но сейчас оно меня пугает. Опыта ещё совсем мало в моей практике. Да и если само высочайшее руководство обратило на меня внимание, значит, должность ответственная. «Или, быть может, им нужно найти крайнего, – всплывает в сознании, – человека, на которого можно будет свалить неуспех всего проекта. Вот и нашли молодого и неопытного меня. И всё! Конец карьере! Скажут, что опростоволосился, и уволят в лучшем случае, а ещё ведь и в тюрьму посадить могут за какое-нибудь нецелевое расходование выделенных средств. Никому не докажешь, что деньги тратил на дело, а что-то пошло не так». Глаза мои бегают по полу, когда я пересекаю входной проём, ведущий в лабораторию.

Последующие несколько часов невероятно утомительны, в голове копошатся мысли. На Агафии лица нет. Она держится молодцом, выдержки ей не занимать, сама ещё одолжит тому, кто попросит. Но бледность и лёгкая рассеянность выдают её внутреннее смятение. Она старается мне даже улыбаться, когда я спрашиваю, где взять тот или иной передатчик сигналов из мозга.

Сегодня у нас по плану подключать к вискам и лбу миниатюрные электроды, которые воспринимают сигналы мозга и могут передавать их на любое устройство, в котором есть выделенный приёмник. На следующей неделе нам предстоит опробовать электроды – передатчики мыслей из мозга в действии на тяжёлых летательных аппаратах. В Корпорации тестируют новые типы разведывательных манёвренных воздушных судов. Они хотят, чтобы пилоты управляли ими силой мысли.

– Как ты? – выдерживаю я дружественный тон, обращаясь к Агафии, когда Тод и его напарник Блэйн отходят в конец лаборатории за электродными платами.

– Ты о чём? – спокойно спрашивает Агафия, закрепляя шилообразный тонкий электрод прямо посередине макушки головы белой лабораторной крысы, обездвиженной миорелаксантом³.

– Ну, эээ, – тут я понимаю, что не знаю, как именно подойти к теме. – Ну я о словах Поша...

² Окказионализм автора.

³ Миорелаксанты – группа препаратов, снижающих тонус скелетных мышц.

- Всё в порядке, Трэй, руководству виднее.
- Ты серьёзно? – недоумеваю я.
- Абсолютно, – отрезает Агафия. – Лучше помоги мне зафиксировать электрод.

Я умолкаю и беру крысу за шею двумя пальцами одной руки и тут же перехватываю крохотный затылок её черепа свободной кистью. В воздухе запах палёной кости. Агафия трепанирует животному череп, чтобы добраться до мозговой ткани. В колледже я всегда ненавидел экспериментальную нейрохирургию, но здесь без неё никак. Чтобы зарегистрировать активность отдельных клеток мозга и сравнить с сигналом, подаваемым на внешние электроды, нужен доступ к живым тканям. Со времён двадцатого века ничего лучше этого изобрести так и не удалось. Надеюсь, когда-нибудь исследователей и врачей перестанут учить на живых организмах, а оставят их симуляции.

Тод недобро косится на меня из-за соседнего стола. Ему уже почти тридцать. Возможно, у него уже есть первые признаки седины, но они не заметны на фоне соломенного цвета его коротких волос. Он с самых первых дней в проекте. Я ему всегда не нравился. Он здоровый и крепкий, работающий. Я щуплый, обычный парень, да ещё из самого поганого района Мингалоса, который никто частью города-то не считает. Теперь, после того как объявили, что я могу возглавить лабораторию, Тод должен вообще меня возненавидеть. «Мне ещё нет девятнадцати, он зрелый человек. Я работаю не больше двух с половиной лет в проекте. Он с самого первого дня. Меня хотят назначить начальником лаборатории. А его даже не повышают в должности старшего лаборанта. Что-то здесь не так, – рассуждаю я, отворачивая нос от запаха палёного мяса. – Хотя нет же! – Вдруг врывается мысль. – Я же единственный, кто обучался по новой усовершенствованной программе по нейронаукам, спонсируемой Корпорацией! Вот, наверное, почему меня повышают».

Эта мысль ненадолго меня успокаивает. Мой желудок перетягивает на себя фокус внимания. В животе утренний синтетический творог успел перевариться или не перевариться, а разложиться на молекулы, чёрт его знает. Я вообще не понимаю, как может усваиваться такая еда. Но мы, как крысы, загнанные в трюм корабля, едим всё, что есть. Скоро обед, это не может не радовать.

Я иду в переговорную, там уже заканчивают свои приготовления официанты. Мы едим всем отделом вместе. Для каждого отдела на этаже накрывается свой стол, общих столовых нет, за исключением холла в центральном здании, который иногда, по очень важным дням, превращают в банкетный зал. Только в такие дни сотрудники из разных отделов могут видеть друг друга. На одном из таких застолий по случаю празднования дня рождения Корпорации в октябре прошлого года мы и познакомились с Кристины. В тот вечер мы с ней буквально столкнулись лбами и с тех пор уже почти восемь месяцев вместе. Она похожа на ухоженную куколку. Изящная, немного строгая. У неё выращенные идеально ровные брови, ещё мне кажется, она как-то себя генно-модифицировала. Её кожа слишком уж светлая, почти молочного цвета. Мать Кристины занимает высокий пост в Плазмиде. Иногда Кристины дозволяется чуть больше, чем остальным сотрудникам её отдела.

Я присаживаюсь рядом с Агафией. Больше ни с кем из отдела сидеть не могу. Многие из них даже едят как роботы. Их руки двигаются подобно роботизированным держателям, почти как у механических кукол начала двадцатого века. Возможно, только у Тода ещё более-менее естественные движения. Он занимается какими-то единоборствами. Ездит для этого специально на окраину города. Как-то Агафия мне сказала, что Тод даже умеет стрелять. Его приглашали служить в специальную армию Корпорации. Именно благодаря ей корпораты и захватили власть, но об этом никому говорить нельзя. Особенно за пределами центра. Там люди должны думать, что президент сошёл с ума, обленился и стал разваливать страну. И тут на помощь пришла Корпорация, добрая, светлая и желающая всем процветания. Те, у кого есть мозги, понимают, что это не так. Так просто не бывает в природе. Боюсь представить,

что рассказывают в федеральных новостях о жизни в Мингалосе гражданам других регионов страны. Каково им там? Чем они живут?

– Тебе передать хлеба? – заботливо спокойным голосом спрашивает Агафия и уже тянется к корзинке с мучным.

– Да, спасибо, – отвечаю я и, мягко улыбаясь, смотрю на её профиль.

Как же я рад, что она со мной разговаривает. А ведь могла бы и насупиться. Но Агафия не такая. Она слишком умна, чтобы переваривать себя в яде негативных переживаний. За это она мне и нравится. Она честная и открытая, а ещё преданная любимому делу.

– Пожалуйста, – протягивает Агафия мне корзинку с хлебом.

Он выглядит красиво и даже аппетитно, но на вкус он не так хорош как на вид. На столе много разнообразной еды, разложенной на серебристых блюдах. У мамы на кухне почти вся посуда алюминиевая или из нержавеющей стали. Её посуда стёртая, кастрюли кривые, а сковороды почерневшие на дне. В центре у большинства жителей посуда либо из полимерного стекла, либо из наноплёнок, в которых всё готовится само под воздействием интенсивного сфокусированного излучения.

В Корпорации строгий стиль интерьеров сочетается с предметами роскоши, такими как серебряная посуда и платиновые украшения на стенах и вокруг оконных рам. Роскошные залы и рекреации напоминают всем о могуществе и влиянии Плазмиды.

Я быстро орудую ложкой. Ещё с детства мне сподручней есть быстро. Агафия мне как-то говорила, что не стоит так торопиться, но я ничего не могу с собой поделать. Чувство голода и страх из детства, что завтра еды может не быть, заставляют мои челюсти работать в ускоренном темпе. В желудок сваливаются большие куски пищи, но он рад, что ему перепадает хоть что-то.

Сейчас Корпорация сумела обеспечить едой почти все регионы, если верить сводкам новостей. Но ещё десять лет назад были случаи, когда люди в отдалённых северных поселениях умирали от голода. Люди жалуются, что еда откровенно поганая, безвкусная, но терпеливо едят то, что им дают. Ничего выращивать самим всё равно нельзя. В лесу брать тоже ничего нельзя. Раньше мы с бабушкой часто обхаживали болота в поисках черничника или брусничной поляны. Тёмные ягодки там блестят, словно подобранные одна к одной. Если чуть сдавишь одну такую серо-голубую спелую ягоду, она тотчас лопается, и по пальцам разбрызгивается сиренево-фиолетовый сок. Он въедается, и его сложно чем-то отмыть. Так и ходишь до вечера с фиолетовыми пальцами. Экологическая полиция тогда не так строго следила за посещением лесов, как сейчас. Если бы сегодня кто увидел с такими пальцами, то могли бы назначить огромный штраф или даже отправить за решётку.

Я отрываюсь от своих мыслей о голоде и детстве и оглядываюсь по сторонам. Волосы Карвина всё так же аккуратно зализаны, его взгляд бездумен и отрешён. Кажется, суп из генномодифицированной жёлто-зелёной брокколи сам засасывается ему в рот. Напарник Тода Блэйн сидит рядом с Джес – заведующей всеми лабораторными исследованиями отдела. Если меня сделают руководителем лаборатории, она станет моей непосредственной начальницей.

Она аккуратно отправляет ложку с супом себе в рот, поправляя другой рукой блестящие выпрямленные рыжие волосы. Я почти ничего о ней не знаю. Она иногда приходит к нам в лабораторию, обходит все столы и что-то помечает на своём планшете. Никто точно не знает, что она там за записи ведёт, может, это она рассказал нашему шефу Пошу, что я работаю лучше других. Хотя какое там лучше других. Агафия – самая перспективная, потом Тод. Карвин и Блэйн всё повторяют за ними, у них нет своих идей и вдохновения, они лишь копировальщики.

За третьим столом в нашей лаборатории работают девушка с тёмными волосами и смугловатой кожей – Хартия и парень с широко расставленными как у рыбы-молота глазами – Одак. Мы с ними друг друга не замечаем. Они варятся в собственном соку. Обычно на обеденных перерывах они сидят вместе и тихо чавкают. Иногда мне кажется, что между ними есть какая-то связь, возможно, даже роман, но меня это не касается.

Я ещё раз окидываю взглядом стол. Никто ни с кем ни о чём не разговаривает. За столом редко когда кто-то говорит, но сегодня особенно безмолвно. Агафия молчит как рыба, кажется, что рядом со мной сидит лишь её тень, призрачная и пустая. Я оглядываюсь вокруг и смотрю, как остальные тихо хлюпают супом. Через некоторое время все как по команде тянутся к подносам со вторыми блюдами. Сегодня из гарнира на выбор есть печёный красный картофель, тушёная фиолетовая капуста, плоские мучные спагетти с томатным соусом. Из мясного тефтели из волокон искусственного мяса, говяжья отбивная в чесночном соусе, бекон. Присутствующие безмолвно поедают второе и смотрят в сторону десертов.

Натуральной еды за столом нет. Всё выращено с применением генной инженерии. Заглядываясь в сторону Фредерика Поша, доедающего спагетти с оранжево-красным томатным соусом, я вдруг вспоминаю сегодняшней выплюнутый мною кусок помидора. Неужели и этот томатный соус сделан из таких же помидоров? Есть ли в них какие-то витамины и полезные вещества или осталась лишь форма? Я сам не замечаю, как на моём лице появляется выражение омерзения. Я больше не могу сидеть с этими людьми за одним столом. Они нафаршированы искусственными продуктами, они пропитались ими насквозь, равно как и я. Мне тошно от самого себя.

Я отвожу взгляд вниз, в сторону своей тарелки с почти остывшей суповой жижей, и краем глаза ловлю пристальный взгляд Тода, сидящего почти напротив меня. Я быстро поднимаю глаза на него и тут же опускаю. Он тоже почти ничего не съел. Почему он так на меня смотрит? Негодует, потому что меня хотят назначить начальником, или есть какие-то другие причины?

Пош начинает медленно подниматься из-за стола. Это сигнал для всех нас, что пора закругляться. Выходить из-за стола много позже руководителя считается дурным тоном и неуважением к работе. Я опять задерживаюсь, жду, пока все уйдут. Теперь в помещении нет никого, кроме обслуживающего персонала. Две женщины средних лет быстро убирают со стола. Поверхность белой скатерти стремительно пустеет.

Между каждой парой из четырёх окон находится по пилястре с серебристой окантовкой. Верхняя часть каждой из пилястр оканчивается капителью с буквой «П» наверху, составленной из орнамента, похожего на сплетённые цепочки ДНК. Я впервые замечаю, насколько в окнах чистые и прозрачные стёкла. Их словно нет вовсе. Встав и подойдя к окну, я смотрю на раскалённое добела солнце. Оно припекает, неспешно прокатываясь по светло-синему небосводу. В последнее время я много думаю о солнце. Каково ему нас здесь греть? Так ли сильно изменилась его активность за последние десятилетия? Какое солнце видели бабушка и бабушка в своём детстве?

Я выхожу из переговорной и собираюсь пройти по широкой рекреации к нашей лаборатории, когда навстречу внезапно выскакивает Кристины. Она смотрит на меня с полуулыбкой. Откуда она здесь, недоумеваю я. Сотрудникам сторонних отделов запрещено здесь находиться. Видимо, как-то договорилась сюда прийти, не без помощи своей покровительствующей мамочки. Она улыбается, но её глаза стеклянны и пусты. Они широко распахнуты и обрамлены густыми, длинными ресницами. На её голове металлический обруч, который может менять цвета. Кристины всем говорит, что обруч реагирует на её настроение, но на самом деле она сама выставляет цвет. На ней строгий светло-розовый пиджак и такого же цвета юбка чуть выше колен. Пояс подчёркивает стройность фигуры.

– Трэй, вот ты где! Я уже было хотела заглянуть в лабораторию, – восторженно произносит она.

«Только этого мне ещё не хватало, – с ужасом думаю я. – Тогда меня не повысят, а, наоборот, ещё и уволят за романы на работе».

– Да, я тут, – спокойно отвечаю я и пытаюсь натянуть подобие улыбки.

– Слушай, в пятницу будет корпоративный бал, давай туда вместе сходим?

– Да, почему нет, – выпаливаю я, не подумав.

– Ну и славно. Он, правда, поздно, почти в десять, – говорит Кристины, скрещивая белые кисти рук чуть выше пояса, – но мы ведь все тут рядом живём, не на окраину же ехать, – она хихикает. – Можешь и ко мне зайти. Она старается заглянуть внутрь меня своими широко распахнутыми глазами. В её лице удивительным образом сочетается детскость и своеобразная строгость.

Внезапно я вспоминаю, что в субботу обещал маме и Никсе приехать к ним. Поезд в семь утра, а ещё надо собраться. Наш многоквартирный дом стоит в самом конце района, на границе с деревянным посёлком. Из-за медленной скорости и пункта досмотра поезд тащится почти целый час, а иногда и дольше. В Мингалосе общественный транспорт, пересекающий разные районы, не может двигаться со скоростью больше тридцати километров в час. Квадромобиля у меня пока нет, мне его финансово не потянуть. Автобусные рейсы начнутся только с июня, поэтому придётся ехать на поезде, который ходит раз в два часа. Не позднее девяти я обещал быть у мамы.

– Кристины, эээ, а раньше никак нельзя? Мне с утра рано подрываться и ехать к своим.

– Ну что ты! Это же бал! И вообще мы же с тобой не маленькие.

– Ну ты-то да, а я ещё под вопросом, – отшучиваюсь я.

Кристины старше меня почти на три года. Её задевает вопрос возраста, иногда даже раздражает, но она почти не выплёскивает эмоции, чтобы не создавать дополнительных мимических морщин. В центре все хотят быть вечно молодыми и красивыми. Кристины не исключение.

– Что ж, малыш, придётся тебе нарушить твой режим. Маменька далеко, всё равно ничего не узнает, – говорит она с нотками сарказма в голосе, глядя на меня искоса.

Её задевают не только вопросы возраста, но ещё и моя мама Мелиссия. Они виделись лишь единожды, когда я сдуру привёз Кристины к нам в квартиру под Новый год. С тех пор у них отношения не заладились. Мама мне ничего тогда не сказала, но я знаю, что в глубине души она считает Кристины слишком избалованной и самонадеянной, а ещё высокомерной. Кристины же, напротив, всю обратную дорогу в поезде только и пыхла, как старый паровоз, какая у меня прямолинейная и неаккуратная мама. В тот вечер я решил, что больше сводить их вместе не буду.

Вообще у нас с Кристины странные отношения. Мы почти никогда не касаемся друг друга. Она считает это лишним. Интимная близость у нас была всего несколько раз. Она никогда не заходит ко мне и не остаётся на ночь. Я ночевал у неё всего дважды. Я иногда даже не понимаю, что именно ей надо от меня – парня из отдалённого бедного района. Иногда мне кажется, что она знает про меня что-то такое, что мне самому неизвестно. Иначе что ещё её может привлекать во мне?

– Хорошо, но только недолго, – сдаюсь я, понимая, что могут последовать обиды и упреки, а лишний стресс перед экзаменом мне совсем ни к чему.

– Ну и славно! – восклицает Кристины.

Она смотрит на моё лицо и хитро улыбается.

– Чего ты там увидела? – смущаюсь я.

– Да в этом свете у тебя глаза выглядят светло-коричневыми, я думала, они зелёные. И уши так смешно растопырены в разные стороны, – она хихикает и чуть отваливается назад, выпячивая на меня низ живота. Странная поза, но для Кристины это нормально.

В этот момент в моих ушах и щеках расширяются сосуды, отчего лицо разогревается и приобретает красноватый оттенок. Жар спускается к шее, оставляя неприятный осадок в горле. В начальных классах иногда старшеклассники дёргали меня за уши и смеялись. Мне не хотелось выглядеть лопухим, поэтому я радовался, когда мои хоть и непослушные, но густые волосы отрастали, скрывая оттопыренные ушные раковины. Когда я стал старше, моё круглое лицо чуть вытянулось, а уши, как мне показалось, прижались к голове. Но, видимо, я ошибался,

многие до сих пор замечают мою лопухость. Кристины знает, что мне неприятно, но всё равно из раза в раз выкидывает придурковатую шутку насчёт моего внешнего вида. При этом она регулярно пытается ещё и задеть мою мать. Неужели она так злопамятна?

– Ну, я же не такой идеальный, как франты твоих подружек. Прости, я слишком естественный, – не хочу звучать едко, но сквозь ухмылку, нарисовавшуюся саму по себе, выходит непросто.

– Ты что, обиделся? – она вытягивает нижнюю губу, становясь похожей на капризную маленькую девочку.

– Нет, что ты. Кому-то же надо компенсировать твою красоту!

Она морщится, потом подбрасывает свои тёмные брови и начинает хихикать. Иногда в такие моменты мне хочется начать её щекотать до колик в животе, а порой и вовсе просто развернуться и уйти. Временами у меня складывается ощущение, что Кристины не понимает, что своими фразами способна сильно задеть людей. Вряд ли с мамой – большой чиновницей она вообще много думает о других людях.

– Извини, я не хотела, – она всё ещё улыбается, а краска на моём лице продолжает гореть.

– Мне надо работать.

Она провожает меня, сколько может – до лифта, приобнимает и исчезает в кабине. Я двигаюсь дальше в сторону лаборатории.

День проходит быстро, намного быстрее, чем обычно. Около семи часов вечера выхожу из здания, где находится наша лаборатория, и смотрю на красоту растекающихся оранжево-красных бликов на сверкающей синеватой поверхности одного из небоскрёбов Плазмиды. В голове прокручиваю планы на конец недели и на начало следующей. Завтра у меня учёба в колледже. Потом опять работа, поездка домой, а с понедельника беспилотники. Это моя самая любимая часть исследований. Главная цель моей разработки – создать интерфейс, позволяющий полностью управлять беспилотным летательным аппаратом силой мысли, напрямую из мозга. Интерфейсы уже готовы, мне осталось лишь отладить механизм более точного переключения между умственными задачами.

Когда-то были созданы похожие устройства, но многие алгоритмы были утеряны или засекречены, нам пришлось разрабатывать их самим, с нуля. С нашими нейроинтерфейсами в аппарате лётчик может вообще ничего не делать, а лишь отдавать мысленные команды, чтобы скорректировать работу автопилота. Иногда это нужно, когда автопилот не может справиться с какой-то специфической, нестандартной задачей. Я же считаю, что это даже лишнее, потому что встроенное автоматическое управление уже настолько совершенно, что никакой человек его не заменит... Хотя я могу ошибаться и чего-то не учитывать.

Я иду не спеша. Мне сегодня не очень хочется возвращаться домой, в корпоративную квартиру. Там всё напоминает о работе и о предстоящем повышении. На меня опять накатывают дурные мысли. Что если я не справлюсь с возложенной на меня ответственностью? Меня уволят? Оштрафуют? Отправят обратно в наше захолустье?

Вечереет. Солнце всё больше походит на раскалённое дно одной из старых маминых сковородок. Я решаюсь прогуляться по деловому и культурному центру города, это всего в одном квартале от главного комплекса зданий Плазмиды. Кварталы в центре большие, нет, они громадные, потому что расстояния между строениями невообразимо гигантские: можно было бы уместить ещё три-четыре многоквартирных дома, как наш. Так только в самых центральных районах. Город перестраивали на месте другого поселения. Наш учитель истории сказал, что почти девяносто процентов старого города было либо снесено, либо перестроено. Мингалос – это новодел. Интересно, зачем понадобилось устраивать такие большие пространства между зданиями?

Я пересекаю центральный периметр, потом сворачиваю по дугообразной аллее вправо. Дороги выстилают материалом, похожим на серовато-фиолетовый каучук. Говорят, в отличие

от асфальта и бетона, он амортизирует стопу при ходьбе, что сохраняет здоровье суставов и позвоночника. Дорожная выстилка вплотную примыкает к фундаментам зданий. Её, словно смолу, некогда разлили по всему городу, намертво сцепив все постройки друг с другом.

Нигде в центре города я не видел ни одного дюйма свободной земли или песка. Практически во всём центре Мингалоса нет парков, садов, нет газонов с зелёной травой. Только искусственные покрытия, намертво замуравившие почву и пески. Сама аллея – это двадцать устремлённых в небо стреловидных складчатых туй, каждая чуть выше меня ростом. В городе плохо с растениями. Если говорить о настоящих растениях, то их тут вообще нет. Вокруг только уродливые генно-модифицированные мутанты. Они расставлены в скверах и на площадях. Многие из этих растений по ночам расцветивают свои плоды неестественно-яркими, кислотными цветами. Некоторые особенно выдающиеся жители континентального государства находят их красивыми.

Такие как, например, наш мэр. Он говорит, что растения новой эры принесли «неповторимую современную красоту и эстетику» в наш мир. Какой он всё-таки маразматик, мэр столичного Мингалоса. Я, моя мама и сестра считаем эти неуклюжие создания просто вырожденными уродцами. Неужели полосатая груша, расцветенная как арбуз, со стекающим, липким и тягучим лимонно-цитрусовым концентратом может выглядеть для кого-то привлекательной? Мало того что концентрат мерзко пенится и шипит, так он ещё и превращается в желтовато-зелёную сосульку, свисающую почти до самой земли. Ночью эти сосульки люминесцируют, и беззаботные откормленные (в отличие от большинства других жителей) представители администрации центрального Мингалоса умиляются тому, насколько сильно это склизкое сопливое уродство похоже на замечательный фонтан, бьющий прямо из сердца дерева.

Нам с сестрой тошно слушать их возгласы. Ничего, кроме брезгливости, это вызывать не может. Меня изнутри аж выворачивает от их умилённых пороссячьих глазок, заплывших жиром. Моя сестра их терпеть не может, особенно с той поры, когда узнала, что они некогда голосовали за всеобщее введение модифицированных продуктов. Никса у меня хоть и маленькая, но смышлёная. В свои одиннадцать она уже выучила столько, сколько многие и в сорок не знают.

Пока я медленно прогуливался в городе, незаметно подсветили центральные улицы, а каучуковый настил стал переливаться перламутровыми бирюзово-оранжевыми крапинками. В него что-то добавляют, чтобы он сверкал и сиял изнутри. Миллионы крапинок сверху похожи на огоньки в домах. Нечто похожее можно увидеть на ночных картах.

Я дохожу до сквера, где люминесцирует очередное изуродованное модификациями дерево. С горечью смотрю на него. Заслужило ли оно такой участи? Кто нам дал право так издеваться над беззащитными растениями? На втором курсе нам читали генную инженерию. Её преподают всем студентам университетского колледжа, независимо от специальности. Как мне показалось тогда, одной из задач этого предмета являлось восхваление успехов и достижений Корпорации.

Лекции на нашем потоке читал профессор Джордж Умбертон. Очень своенравный, надменный тип. Его подбородок был всегда задран вверх, а грудь выпирала колесом, натягивая петли вокруг пуговиц клетчатой рубашки, выглядывавшей из полурасстёгнутого тёмно-серого пиджака.

Однажды кто-то из студентов спросил, правильно ли мы поступаем, что вмешиваемся в геном растений. Умбертон поднял бровь, хищно оскалился и сказал: «А знаете, что бы сделали с вами растения, если бы вы не обладали руками и ногами? Они бы сожрали вас заживо, оплели бы своими корнями и ветками, высосав все ваши соки! Когда миллионы лет назад наши предки обитали в саванне, их поджидали самые коварные организмы, угрожающие уничтожить их. И знаете, что это были за организмы?»

Тот студент, я не помню его имя, вытаращив глаза, испуганно смотрел на Умбертона. Но ему хватило смелости спросить: «Что?»

Рот профессора растянулся в сладкой улыбке – он явно ощущал своё интеллектуальное превосходство. Коварно сузив свои змеиные глазки, он ответил: «Травы! Много трав! Трава! Она вытеснила кустарники и деревья, на которых обитали наши предки. Она заставила их спуститься на опасную неизведанную поверхность, чтобы прокормить себя и продолжить эволюционировать. Да, наши предки сумели выжить и приспособиться. Со временем им даже пошло это на пользу. Но думаете, трава кого-нибудь спрашивала, думаете, она беспокоилась о будущем наших предков? Нет! Ей было абсолютно плевать. Она лишь использовала предоставленный ей ресурс.

Господа, если вы думаете, что мы используем растения, то вы глубоко заблуждаетесь. Когда наши средневековые предки съедали ягоды, а потом опорожняли кишечник в лесу, то знайте, растения их безжалостно использовали для своего расселения. В природе всё временно. Одни господствующие виды сменяют другие. Мы первые, кто попытался выйти из-под влияния естественного отбора. И чтобы людям оставаться господствующим видом, нам нужно обратить генетические механизмы в свою пользу. В этом и состоит задача генной инженерии. Теперь вы творцы настоящего и будущего нашего вида. Всё в ваших руках и мозгах. Помните об этом».

Он говорил настолько увлечённо, что я до сих помню почти каждое его слово. Странно, мне кажется, это осталось в моей памяти навсегда. Какова всё-таки сила эмоционального, аргументированного убеждения. На ней строились идеологии целых государств. Теперь на этой силе формируется устройство нашей страны.

Солнце совсем спряталось, город теперь высвечен стройными рядами домов и улиц. На улицах заметно стихает. Пора разворачиваться и идти к дому. Я прохожу арку периметра и собираюсь повернуть в сторону своего подъезда, как слышу за своей спиной приближающиеся шаги. Кто-то стремительно меня догоняет. Обычно я не испытываю страха здесь, в центре. Это на окраине тебе могут звездануть по затылку и что-нибудь отобрать. Здесь я ни разу ни с кем не сталкивался, но вот некоторые ребята из отдела (по их рассказам) нарывались на грабителей, чудом оставаясь живыми. Сердце ускоряет темп. Сосуды пульсируют всё быстрее.

Шаги уже совсем у меня за спиной. Я начинаю осторожно разворачиваться, но тут же получаю внезапный удар в левое плечо, не очень сильный, но болезненный. Мой правый кулак сжимается, я готов ударить обидчика. Резко разворачиваюсь и вижу знакомый плащ Тода. Он демонстративно отворачивается и теперь идёт, будто бы меня не замечая. Сворачивает налево, в сторону соседнего корпуса такого же дома, как и у меня. Он стукнул меня плечом, сделав вид, что будто бы случайно.

Внутри у меня всё вскипает. Зубы сводит от злобы и обиды. Хочется догнать Тода и дать ему хорошего пинка. Но тут я вспоминаю утреннее собрание. Понимаю, что, возможно, скоро я стану его начальником. Это его задевает. В моей голове возникают образы, как я с радостью изгаляюсь над Тодом, когда он работает за своим столом.

Пульс постепенно приходит в норму, зубы отпускает. Дополнительно успокаиваю себя мыслью, что в схватке с этим здоровяком я запросто мог бы остаться без всех передних зубов. А лечить зубы дорого и неприятно. «Интересно, он выслеживал меня или случайно заметил?» – размышляю я, подходя к дому. В лифте я уже забываю про инцидент. У меня нет привычки долго дуться и обижаться. Однажды дедушка сказал, что обида подобна яду: чем больше думаешь о ней, тем сильнее себя отравляешь.

Я вваливаюсь в свою квартиру. Сбрасываю ботинки, затем носки и иду по растянувшейся вдоль трети прихожей полосе из белых желеобразных шариков с отростками. Каждый отросток слегка отливает оттенками слоновой кости и походит на хвостик головастика. Прохладные шарики щекочут мои ноги, расслабляя всё тело. Я полностью успокаиваюсь, проходя ещё полтора метра. В квартире темно. Коридор освещён лишь внутренней подсветкой ленты,

засыпанной этой чудесной студенистой силиконовой субстанцией. Говорят, на стопах находятся рефлекторные точки, при воздействии на которые можно расслабить весь позвоночник. Это то, что мне сейчас нужно больше всего, даже если это и плацебо. Я кидаю одежду на вешалку, полностью раздеваюсь и следую в душ.

Глава 3

Ночью я сплю беспокойно. Постоянно ворочаюсь. Снятся какие-то длинные белые коридоры, одинаковые, бесконечные. Вновь пузырь, он густой и липкий. Я как будто вижу разноцветные разводы на поверхности плёнки. Мыльный раствор растекается водой, заполняя ушные проходы, проникая в нос и рот. Тяжело дышать. Сердце бешено колотится. Разлепляю глаза, вскакиваю, хватаюсь липкой рукой за влажный лоб. На часах 6:21. Сегодня удалось поспать подольше, уже неплохо. Стекло завибрировало бы в семь тридцать. Вибрация усиливается и мягко будит меня, если сам не просыпаюсь. Я встаю и отключаю будильник, встроенный в стекло. Шторы раздёрнуты. За ними предутренние золотисто-оранжевые разводы на тонких слоёных облаках. Вновь ложусь, решаясь ещё немного поваляться. Не замечаю, как сонливость вновь одолевает меня.

Открываю глаза. Яркий солнечный свет пробивает комнату насквозь. Часы высвечивают светло-жёлтым 8:37. Чертов сон! Вскрываю. Быстро одеваюсь, мчусь в конец коридора, успеваю умыться, провожу рукой по правой узкой плитке, отключаю силовое поле, вылетаю из ванной. На учёбу нельзя опаздывать. Начало занятий в девять утра и не минутой позже. Хорошо, что учебный корпус, также как и работа, неподалёку от моего дома.

Прибегаю в аудиторию без четырёх девять, запыхавшись. Протискиваюсь с краю на третий ряд. Раздают материалы для теста. Как всегда, вовремя. Я успел повторить позавчера лишь половину. После теста ещё две пары, потом беседа с научным руководителем моего диплома. Мне с ним повезло. Он относится с пониманием к моей работе. Не все студенты работают, за кого-то платят родители. У таких ребят больше времени на учёбу и подготовку к диплому.

Время на парах словно слизывает некий космический поглотитель минут и часов. Иду в кабинет профессора Нордмана получать наставления по работе. Здравуюсь. Он кивает в знак приветствия, раскладывая на столе плёнки с томограммами.

– Вы ведь уже определились с мотивирующей частью вашего исследования, мистер Коулман? – с места в карьер спрашивает он, отрывая взгляд от плёнок и глядя в мою сторону.

– Ээээ, не очень понимаю... я как бы мотивирован, – что-то невпопад блею я.

– Это я знаю, что вы мотивированы. Ваша работа имеет самый что ни на есть практико-ориентированный подход. Вы придумали, как обосновать для научного совета степень актуальности исследования?

– Да, – неявно улыбаясь, отвечаю, наконец, поняв, о чём речь. – Управление беспилотными летательными аппаратами. Эм... У корпорации «Плазида» есть потребность в интерфейсах управления. В своей работе я подвожу базу из наук о мозге под работу интерфейсов, – продолжаю я более уверенным тоном.

– То есть это узкий запрос для нужд Корпорации? – пристально глядя на меня и немного сощуриив свои пронизательные глаза, осведомляется профессор Нордман.

– Да, именно, то есть... эээ, – по действием этого взгляда я начинаю сомневаться в своей правоте.

– Вам не кажется, что это всё же слишком узкий запрос? Может быть, ещё что-то?

«К чему он клонит? Мы же уже сотню раз всё это обговаривали», – думаю я.

– Я думаю, эээ, – подбираю слова.

«Ладно, чёрт с ним. В конце концов, я уже почти выпускник. Надо быть увереннее в себе», – подбадриваю сам себя.

– Это достаточный запрос и достаточное основание для обоснования актуальности исследования, – наконец выпаливаю я, словно озвучивая какой-то окончательный вердикт.

– Хм. А как же интересы других людей? Какая будет польза другим людям от вашей разработки? Или, может, вред?

Теперь я понимаю, к чему он клонит. Вообще, это очень опасно – сомневаться в актуальности исследований, если заказ приходит из Корпорации. Профессор Нордман очень рискует. Я сам его когда-то выбрал в качестве своего руководителя за приверженность неким общенаучным принципам и идеалам. Он большой специалист в своём деле, равных ему нет во всей Аридафии. И поэтому его свободомыслие терпят. Странно, но он раньше никогда не выражал так открыто свою позицию. Неужели он тоже считает, что у Корпорации слишком шкурные интересы?

– Профессор, – начинаю я более робким и уже менее уверенным голосом, – это не моя разработка. Я лишь дорабатываю алгоритмы. Подобные устройства существовали и ранее. Их можно использовать в мирной авиации или для управления персональными автомобилями или сельскохозяйственной техникой. Я думаю, что любую технологию можно использовать как во благо, так и во вред.

– Спасибо за клише в ответе, – едко подмечает профессор Нордман. – Много вы видели в Аридафии персональных автомобилей?

«И правда – а много я их видел?» – проносится в моей затуманенной голове. Совсем немного. Сколько их в целом Мингалосе? Несколько тысяч или чуть больше? Надо срочно что-то придумать... Чёрт, нужен какой-то ответ. Я уже почти выпускник. Нельзя быть мямлей.

– Эмм, немного, но это пока, я верю в светлое будущее, когда их станет больше, – несую я чушь, чтобы как-то отмазаться от неудобных вопросов.

– Что ж, пусть так и будет. На защите скажете, что вы планируете расширить область применения интерфейсов, в том числе для управления дроидами во врачебной практике.

– Хорошо, профессор.

Понимая, что лучше уйти, поскольку сегодня я не готов долго дискутировать, я медленно начинаю разворачиваться к двери.

– Трэй! – кликает меня Нордман, – выбирая тему для будущих исследований, думайте об интересах большинства, а не о маленькой кучке заевшихся бюрократов. Вы хороший человек. Помните об этом.

– Э, да, вас понял, – отвечаю я в растерянности.

Вот это поворот. Здесь явно что-то нечисто. С чего это профессор так открыто выражает своё недовольство правящей верхушкой. Я прощаюсь и вылетаю из кабинета.

Я брожу по центральным кварталам несколько часов в раздумьях над работой и словами моего научного руководителя. Кристины отсылает мне на коммуникатор десятки сообщений с вопросами о том, где я и чем занят. Я лишь успеваю их закрывать, проскальзывая пальцем по выгнутой мембранной поверхности. Наномолекулы складного, помещающегося у меня на ладони устройства высвечивают очередное сообщение: «Не забудь завтра про бал!!!» Не испытываю особого восторга от полученного сообщения, нервно заталкиваю гаджет в карман.

Ночь проходит быстро. Сегодня я проснулся по будильнику в восемь сорок. После душа следую на кухню, открываю холодильник, копошусь там в поисках еды, оставшейся с начала недели. Думаю, что было бы неплохо заказать чего-нибудь к понедельнику. Бросаю случайный взгляд вниз, на контейнер. Там лежит всё та же надкусанная мною два дня назад помидорка. «Надо выбросить её уже», – думаю я. Завтракаю тостом с сыром и зеленью, запивая белковой смесью со вкусом гренок и ветчины. Беру контейнер, иду на лестничную площадку. Открываю мусороприёмник, опрокидываю контейнер и вываливаю помидор и остатки разжёванной мякоти внутрь. Содержимое смачно плюхается поверх других пищевых отходов. Возвращаясь обратно, замечаю, что дверь квартиры напротив чуть приоткрыта и оттуда из щёлочки струится свет. Там раньше никто никогда не жил. Новые соседи?

Захожу к себе в квартиру. Бегу в ванную, споласкиваю руки. Одеваюсь и вылетаю на работу. По пути вспоминаю, что Тод меня позавчера сильно толкнул. Весь день стараюсь с ним

не пересекаться. На обеденном перерыве молчу, как и все, будто бы специально стараюсь себя не выдать. После работы отправляюсь домой переодеться.

На торжественные случаи у меня только один нарядный смокинг – тёмно-синего цвета, с золотистыми запонками. Они не из драгоценных металлов, только имитация. Приходят сообщения на коммуникатор, но я их не читаю. Я знаю, что они от Кристины. Она сейчас начнёт меня заваливать вопросами из разряда «рубашка отглажена?», «сверкают ли ботинки?». Ненавижу такие моменты. Можно вызвать трансфер, но для меня это дорого. Я экономлю. Стараюсь лишние деньги отвезти маме. Мне немного приплачивают за работу, хотя могли и не делать этого. Поскольку Корпорация и так обеспечивает всем необходимым и оплачивает все мои расходы. Иду пешком. Быстро. Осталось около пятнадцати минут до начала бала.

– Опять ты чуть не опоздал! – подскакивает ко мне Кристины у самого входа в концертный зал и хватается за руку. Она в длинном зеленовато-жёлтом платье с вкраплениями золотой нити. В руке она держит зелёную шляпку с искусственными перьями. В этом одеянии она походит на змею. Ни на йоту не сомневаюсь, что ей неудобно.

– Привет, дорогая, – тянусь к ней, чтобы коснуться губами её белоснежной щеки, но она отводит голову в сторону.

– Ты что, на людях это неприлично. Мы же культурная пара, – говорит она с распахнутыми от удивления глазами.

Я ничего не отвечаю, беру её за руку, и мы следуем внутрь. На входе нас ждут трое встречающих в белых строгих рубашках и длинных чёрных камзолах. Сегодня вечеринка в стиле девятнадцатого века. Вспоминаю уроки истории. На изображениях картин того века люди облачены в длинные, неудобные одежды. На дамах платья, из-под подолов которых аккуратно показываются носики туфелек, мужчины одеты во фраки или сюртуки. В голове вспыхивают картинки с историческими сражениями в Европе. Тогда Евразийский континент ещё не сдвинулся с места и не стал дрейфовать навстречу Североамериканскому. Чем жили те люди? О чём они мечтали? В школе совсем немного об этом рассказывают. Только Наполеоновские войны в голове и отпечатались. Тут же припоминаю картину, где он одет в нечто похожее на лосины, и представляю, как все эти мингалосовские франты так же разодеты.

Сдавливая смех, прохожу дальше, придерживая за руку Кристины, которая восторженно крутит головой по сторонам. Кажется, словно у неё не шея, а ножка юлы. Так странно видеть Кристины такой энергичной на людях. При мне она вялая как рыба, провалявшаяся под солнцем, а здесь сияет, блещет, даже улыбается. Я одет не совсем так, как подобает, но мне всё равно, я тут не за тем, чтобы ходить павлином и красоваться.

Проходим в шикарный зал в роскошном убранстве. Я здесь был лишь единожды – на оперном концерте, когда учился на первом курсе. Длинные гирлянды крупных бриллиантовых капель свешиваются с потолка, крепясь к круглой сверкающей люстре из резных кусочков хрусталя. На стенах между современными светоотражающими панелями золочёные растительные орнаменты. Должен признать, что архитекторы и декораторы поработали на славу. Им удалось соединить современные технологии с роскошью старины.

В зале много людей, так много, что почти не видно центральной сцены. Женщины в тёмных болотистых цветов платьях в пол. В тканях платьев золотые и серебряные тиснения. «Кто-то ютится в комнатухах, собирая гроши по карманам, а кто-то разодет в золото и серебро», – в голове проскакивает досадная мысль. На мужчинах строгие однотонные костюмы и светлые рубашки со стоячими или отложными воротничками. Мимо туда-сюда шныряют официанты с прилизанными набок волосами, одинаковые, все как на подбор. «Может, их тоже специально вывели с помощью генной инженерии», – шучу я про себя.

Кристины высвобождает мою руку и мчится к какой-то своей знакомой. Они хватаются за руки и будто бы отваливаются друг от друга в разные стороны, отплясывая свой диковинный приветственный ритуал. У меня появляется шанс расслабиться ненадолго и оглядеться.

Никого из знакомых не замечаю. Вряд ли тут есть кто-то из колледжа или с работы. Все они слишком заняты. На сцену выходит конференсье. Он что-то рассказывает о бальных традициях, я не слушаю, мне это неинтересно. И тут он объявляет выход на сцену президента «Плазмиды», вернее, уже и президента Аридафии. Я его ещё ни разу не видел живьём. Какой он из себя?

Я аккуратно протискиваюсь ближе к сцене, стараясь никого не задеть. В толпе становится жарковато, у меня взмокли подмышки. Ненавижу это ощущение. Рубашка липнет к рёбрам. Я не успеваю подойти к цене, когда статный коренастый мужчина средних лет уверенной походкой направляется к микрофону, его сопровождают четверо серьёзного вида людей. Вероятно, телохранители. В зале все затихают и обращают взгляды в сторону президента.

– Дорогие друзья! Я рад вас приветствовать на открытии ежегодного торжества по случаю дня рождения Корпорации, – начинает он свою речь. – Основание Корпорации ознаменовало собой новую эпоху в развитии и восстановлении Аридафии после тех страшных событий. Многие знания и технологии были утрачены, но благодаря талантливым инженерам, исследователям и управленцам мы сумели восстановить большую часть из них.

Моё внимание переключается на внешность президента Рида. Я теряю смысловую нить его властной, но монотонной речи. Разглядываю его идеально уложенные волосы, с лёгкой проседью в нескольких местах. Он стареет? Почему он не воспользуется технологиями омоложения?

Я протискиваюсь сквозь плотные ряды слушающих, чтобы разглядеть его поближе. Видимо, во мне говорит природа исследователя. Ничего не могу с собой иногда поделаться, любопытство берёт верх. Мне надо всё самому увидеть, услышать, а ещё лучше потрогать, ткнуть пальцем. Однажды я был в музее искусства прошлых эпох. Я не удержался и протянул руку к античной статуе. Мне захотелось потрогать гладкий мрамор, ощутить его прохладу. Целых двадцать минут потом разминал руку после полученного толчка защитного силового поля. Больше я не тянул руки к экспонатам. Затерявшись в потоках своих раздумий, я не заметил, как почти вплотную подошёл к сцене. Теперь могу видеть каждую складку на одежде президента.

– И по этой причине празднование дня основания Корпорации, – завершает он свою речь, – является почти таким же особенным событием, как и отмечание Дня становления новой Аридафии. А теперь, друзья и сподвижники, веселитесь! Объявляю бал открытым! – он улыбается, странновато кривя рот, а его руки вздымаются вверх.

На секунду мне кажется, что президент Рид посмотрел в мою сторону. Взгляд его сделался словно бы немного суровым и печальным. Он как будто даже узнал меня. Да нет же. Зачем я тешу своё самолюбие? Даже если президент как-то и повлиял на моё назначение, то, вероятно, он даже никогда и не видел меня в лицо. Кто я такой? Мелкий муравьишка, букашка по сравнению с ним. От него исходит сияние власти и могущества. От меня веет нищетой, трусостью, ничтожностью и мелкой постыдной дрожью.

Наши глаза встречаются. Какое-то мгновение он ещё разглядывает меня будто бы с интересом, а потом резко отворачивается и уходит прочь со сцены. В этот же самый момент я ловлю ещё чей-то взгляд, теперь сбоку. Кто-то с неподдельным интересом на меня таращится. Я осторожно поворачиваю голову вправо и вижу Тода. Он не сводит с меня своих сердитых глаз. Что он здесь делает? Ему бы впору сейчас набивать кому-нибудь физиономию в тренировочном зале или заниматься ещё чем-то похожим. А он здесь и смотрит на меня.

Разворачиваюсь и иду обратно, в то место, где Кристины отпустила мою руку. Вижу её недовольную мину по поводу моего отсутствия. Ещё около часа терплю её треп с подругами. С облегчением прощаюсь с ней после вечеринки. Она сегодня не приглашает, да я и не хочу ничего. Нужно хорошенько отоспаться перед завтрашней поездкой домой.

Ночью вновь вижу сон с водянисто-мыльным пузырьём, в котором я тону и захлёбываюсь. Может, это мой животный инстинктивный страх перед стихией океана, некогда затопившего наш континент? Какая только глупость не заберётся в голову!

Я быстро собираюсь, не успеваю позавтракать. Вчера после упрёков и укоризненных взглядов Кристины выпил несколько бокалов шипучего алкогольного напитка. Сегодня голова тяжёлая, как чугунный бочонок. Запихиваю в контейнер для еды остатки хлеба, молочную смесь, ореховую пасту. Сюю контейнер в белый пустой рюкзак. Мне неизвестно, сколько мы сегодня простоим на границе между периметрами. С собой всегда стоит брать что-нибудь из еды.

Я частенько прихватываю с собой рюкзак, подаренный мне в университетском колледже Корпорацией. Они мне его дарили для спортивной одежды, но я приспособил его под ношение всего что только можно. Он белый, совершенно белый, без единого пятнышка, без серой ниточки. Рюкзак почти не запачкался и не посерел за четыре года. Это потому, что я обитаю в центральных районах, где воздух фильтруется и нет сырости. На окраинах рюкзак бы уже давно начал разьежжаться из-за повышенной влажности. В Плазмиде любят светлые вещи. Так корпораты демонстрируют свою элитарность и превосходство над остальными жителями Аридафии.

Вокзал в третьем периметре, а посты проверки документов и разрешений на въезд и выезд – в девятом и одиннадцатом. Иногда в девятом не проверяют, а в одиннадцатом обязательно всё проверят и осмотрят багаж, если он подозрительный. Однажды поезд задержали почти на два часа, когда какой-то сумасшедший лаборант пытался вывезти экспериментальные опытные образцы из исследовательского центра Корпорации. Неужели собирался их кому-то продать, или он и вправду сумасшедший? Весь поезд тогда перевернули вверх дном. Я выворачивал карманы и несколько раз показывал содержимое рюкзака.

В поезде достаточно просторно и совсем немного людей, несмотря на то что суббота. В Мингалосе есть люди, которые никогда не покидали его пределов. Всю жизнь так и просуществовали. В основном это молодые, родившиеся примерно двадцать-тридцать лет назад. Я бы так не смог. Свобода! Открытые пространства. Зеленеющие луга с прохладной росой. Каждая такая капля на целый глоток. Леса с непроходимыми зарослями. Ледяные ручьи с плещущими своими ворсинками-плавниками пескарями. Вот моя стихия. Природная и буйная. Обычно за свежим воздухом многие едут за город в отдалённый Тирос. Там есть большие парки и несколько прозрачных озёр. Купаться в них нельзя, но можно хотя бы полюбоваться.

На границе девятого периметра сегодня проверяющих нет, поезд медленно тащится дальше. Он едет почти бесшумно за счёт электромагнитной подушки. В животе пусто, желудок урчит, надо подкрепиться. Достая хлеб, открываю банку с ореховой пастой. Отламываю небольшой кусок от буханки и обмакиваю в коричнево-жёлтую жирную массу. На вкус сносно, но не сказать чтоб очень вкусно.

Однажды бабушка рассказывала нам с Никсой, как в детстве они всей семьёй ели хлеб с пекарни. Они тогда жили на окраине маленького городка, позднее затопленного поднявшимся океаном. У всех детей их семейства по щекам слюнки текли от одного запаха свежеспечённого душистого, горячего пшеничного хлеба. Мягкие булки разваливались под лёгким надавливанием пальцев, и под золотистой корочкой обнажалось воздушное белое мучное тесто. Такой хлеб таял во рту. Они запивали нежную пышную мякоть хлеба тёплым парным молоком. Бабушка говорила, что сама природа из своих недр отдавал волшебный питательный напиток.

Пока я вспоминаю рассказы бабушки, представляя, как вместо своего хлеба с ореховой пастой уплетаю золотистые булки, поезд подползает к одиннадцатому периметру. Он замедляет своё движение. В каждый вагон заходит конвой из трёх проверяющих и двух дройдов, парящих в воздухе. В случае сопротивления кого-то из пассажиров дройдам разрешено открыть огонь на поражение. Поэтому все обычно молчат и делают что велят. Сегодня прове-

ряют быстро, нас совсем немного в вагоне. Смотрят мой пропуск из Корпорации, в рюкзак не заглядывают. Наверное, я не выгляжу слишком подозрительным, желающим вывезти ценности Корпорации. Через пятнадцать минут поезд трогается с места, и мы плавно отъезжаем от пропускного пункта на границе периметров.

За окном мелькают потрёпанные временем постройки окраин. Некоторые многоквартирные дома совсем почернели от сырости. Здесь нет защитного осушающего купола, как над городом. Раньше было ещё хуже, сейчас вода, по-видимому, действительно, стала отступать, климат становится суше.

Сверху Мингалос похож на паутину, сотканную из периметров с поперечными прожилками дорог. В пределах центральных периметров основные постройки Корпорации. С третьего по шестой периметр идут культурные учреждения и административные здания, ещё немного домов среднего класса. С седьмого по девятый находятся дома самых богатых и влиятельных горожан. Там же размещается городской зоопарк. В десятом и одиннадцатом периметре находятся смешанные постройки со спортивными залами, мастерские, больницы и городской зоопарк.

На севере Мингалоса за одиннадцатым периметром начинается огромный испытательный полигон. Никто не знает, что там происходит. Некоторые горожане говорили, что слышали за высокими стенами с колючей проволокой нечеловеческие стоны. Будто бы там пытаются людей, вырывая им языки. А ещё там видели странных существ, похожих на людей, но с гладкой склизкой кожей и горящими в темноте зелёными глазами. Не знаю, правда ли всё это. Быть может, очередная байка. Сам я стараюсь туда не ходить. Место и правда жутковатое. Кто вообще туда ходит по ночам, если видел их зелёные глаза? Глупость какая-то.

Мы движемся на юг, немного восточнее относительно центра города. Там и есть самые окраины, где стоит наш многоквартирный дом. Мингалос смещён к востоку от центра страны. Если ориентировать карту севером наверх, то в сотне километров справа от столичного города начинается океан, совершенно бескрайний. На карте Аридафия выглядит одиноко, а окружающие воды зловеще обступают её со всех сторон. Нам говорят, что мы остались одни. Может ли быть такое? Иногда доносятся слухи, будто есть ещё немного сухой земли с самостоятельными поселениями далеко в океане. Но кто мог бы это проверить? В Аридафии совсем немного воздушных судов. Да и куда лететь? Где искать те поселения?

Одиннадцать регионов составляют единое континентальное государство. На все регионы распространяется действие федеральных законов, запрещающих ведение собственного частного сельского хозяйства и добычу пропитания в лесах, реках и озёрах. В прошлом году за нарушение закона несколько тысяч человек посадили в тюрьму, некоторых публично казнили.

В северных регионах добывают драгоценные металлы, такие как золото и платина. Оттуда золотые нити в нарядных платьях женщин на вчерашнем балу. Уголь и нефть – в юго-восточных регионах. На юге ведётся добыча свинца и других металлов. По рассказам нескольких ребят с моего потока, которым посчастливилось попасть в колледж, в тех регионах постоянный смог и видимость пропадает уже через двести метров.

В соседнем с Мингалосом регионе выстроены громадные предприятия по производству технологических новшеств. Я думаю, что где-то там же разрабатывалось вооружение для внутренней армии самой Корпорации. Практически всё, что открывается или работает в стране, проходит под эгидой генерального плана «Плазмиды». Каждое новое предприятие, каждая новая больница, школа или даже дом строится с разрешения корпоративного отдела планирования.

Вновь окидывая печальным взглядом убогие однообразные домишки окраин, убеждаюсь, насколько отличается тягостная жизнь простых граждан от роскошной жизни корпоратов. В «Плазмиде» не экономят на двух вещах: качественных кадрах и технологиях. Одно кило-

метровое центральное здание, похожее на ДНК, чего стоит. Оно крепится сверху на мощные, крепки тросы, которые цепляются за громадный метеорит на орбите Земли.

Ума не приложу, как им удалось подвесить столь громадное здание в воздухе. Башня не просто парит, она ещё и перемещается. Иногда ДНК покидает своё основное место и плывёт по воздуху несколько сотен километров, описывая воображаемую восьмёрку или какую-то иную фигуру. Так корпорация провозглашает своё господство во всех ближайших регионах. Каждый, кто видит парящее в небе высоченное здание, невольно горбит спину под натиском ощущаемого величия. Все понимают, что за ними неустанно наблюдают. Их есть кому контролировать.

Глава 4

На станции меня встречают мама с Никсой. Я отдал Никсе свой старый коммуникатор. Теперь она всегда может знать о моём приближении через систему вышек связи, восстановленных несколько лет назад в самых крупных населённых пунктах. Должно быть, она сегодня радостно вскрикнула, когда увидела на карте приближающуюся точку моего устройства. Поезд останавливается. Платформа почти пуста. Выхожу из вагона. Сырость обдаёт мой нос, лоб и щёки холодом. В воздухе как будто прослеживается запах плесени. Возможно, мне кажется с непривычки после долгого пребывания в центральном районе. Вижу две стремительно приближающиеся ко мне фигуры. Одна из них движется намного быстрее.

– Привет, Трэй! – набрасывается на меня Никса, сияя от переполняющего её счастья.

– Привет, Никса!

Я сморю на неё, а потом прижимаю к груди. Она легонько хлопает меня кулачком по спине. Это наш тайный знак, что всё в доме в порядке и с мамой всё тоже нормально. Её голубые глазки сверкают как два драгоценных камушка, волосы развевают по ветру ароматы утреннего бальзама. Лишь бледность щёк и красные пятна на шее сигнализируют о скрытой беде со здоровьем. Аллергии не отпускают Никсу ни на один день. Раньше она ходила вялая из-за таблеток, но, когда я уезжал на учёбу, пообещала мне повеселеть и радоваться каждому дню. Сейчас я вижу, что слово своё моя сестра сдержала.

У мамы усталый вид, но она улыбается, хоть и через силу. Иногда я не понимаю, рада ли она меня видеть всерьёз или просто старается делать вид, потому что так надо. Мне хочется верить в её искренность.

Мама обнимает мои плечи, затем аккуратно отстраняет от меня Никсу. Та, в свою очередь, упорно сопротивляется и не хочет отпускать ляжку моего рюкзака, повисшего на руке.

– Рада тебя видеть, сынок, – произносит мама.

– И я, мам. Пошли уже скорее домой. Мне не терпится скинуть рюкзак и немного размять кости после часовой поездки.

– Хорошо. Тебе не тяжело?

– Что ты, мам. Я справлюсь. Ноги только немного устали сидеть.

– Он у нас сильный. Самый сильный! – весело выкрикивает Никса, подбегает и дёргает меня за ляжку, так, что я чуть не заваливаюсь на спину. Сестра отскакивает от меня теннисным шариком, я мчусь за ней. Всё как в детстве, когда мы убегали друг от друга, играя в догонялки.

– Осторожно, там крутой спуск с платформы! – кричит мама нам вслед.

Мы едва в состоянии адекватно среагировать на предупреждение. Игра охватила нас обоих. Я рад, что Никса хоть так отвлекается от своей болезни.

Мама открывает нам с Никсой дверь. Я прохожу первым. Они мешкают с ключом, нередко застревающим в замочной скважине. Дешёвые замки быстро ржавеют.

В квартире всё по-старому. Работают две еле живые сушилки для нормализации воздуха. Боком прохожу через захламлённый коридор, в конце которого крохотная кухонька. Даже в моей корпоративной квартире кухня в полтора раза больше. Заглядываю в свою комнату. Здесь ничего не тронут. Никса тут убирается раз в неделю. Счищает новые грибки над карнизом. Иногда по окнам течёт конденсат, сегодня его на счастье нет. Никса влетает в комнату.

– Смотри, как я поддерживаю порядок в твоей комнате! Я не такая ленивая, как говорит мама, – заигрывающе улыбаясь, тараторит она, выворачивая шею и глядя на меня сбоку. Её глаза всё ещё горят после пробежки.

– Не слушай её. Ты очень даже работающая. Спасибо тебе! Приятно видеть комнату чистой.

– Я теперь дотягиваюсь на табуретке до самого потолка. Там бывает паутина и чёрная гадость. Раньше приходилось ставить одну табуретку на другую, а сейчас вот и одной достаточно.

Смотрю на неё и понимаю, что она заметно подросла. Хотя выглядит ещё хилой и невыносимо бледной. Её благоразумность компенсирует болезненность.

– Скоро будешь и без табуретки доставать, – говорю я сестре, прижимая её голову к себе и легонько трепля влажные волосы, всё так же источающие запах бальзама.

– Дети, скоро можно будет идти есть! – кричит, вернее, пытается кричать мама с кухни.

– Хорошо, мам! – быстро и звонко отзывается Никса.

– Да, скоро будем, – громко отзываюсь я.

– Трэй, – сестра внезапно поднимает свою голову и пристально смотрит на меня, оттопыривая свою малюсенькую алую губёнку.

Я знаю этот взгляд. Никса не может просить, она уже взрослая. Она просто смотрит и ждёт, пока я сам ей сообщу, что привёз полный рюкзак самых разных сладостей из центра. На удивление, на них у неё обычно нет аллергии. Сладости в центральном юнимаркете «Мингалос молл центр» (Mingalos Mall Centre) действительно что надо, закачаешься. Разноцветные леденцы, которые вращаются у тебя на языке и шипят, разбрасывая кисло-сладкие пузырьки, конфеты-свистульки, белый пористый шоколад, превращающийся в молочный коктейль во рту, нежные сливочные вафли... Но больше всего Никса любит фигурные конфеты на палочке в виде разных зверушек. От одного их вида в её маленьком желудке взрывается фейерверк предвкушения. Можно буквально слышать, как на всю комнату урчит её живот.

– Никса, – начинаю я, – я не привёз тебе сегодня ничего.

Вижу в её глазах печаль и тускнеющий огонёк надежды. Она явно ожидала, что у меня будет целый ворох сладостей.

– Ну ничего, я и без них обойдусь. Главное, что ты приехал, – спокойно, стараясь не выказывать расстройств, отвечает она, обнимая меня ещё крепче.

В этот момент я осознаю, что она становится совсем взрослой.

– Но у меня есть деньги, на которые мы можем купить! – восклицаю я и опускаю взгляд вниз.

– А где?!

– А в лавке Фанварда! Они недавно открыли представительство от центрального юнимаркета!

– Урра! Будут леденцы! – Никса начинает прыгать вокруг себя. Я смотрю и не могу нарадоваться. Как я счастлив видеть её такой подвижной и живой, а не вялой и беспомощной.

– Скорее пойдём! – говорю ей я.

– Ребята, давайте за стол! Еда стынет! – громко, собравшись с силами, произносит мама.

Я собираюсь выскочить из комнаты, планируя, как после еды мы пойдём с сестрой за леденцами на местный рынок. Тут Никса опускает голову, берёт меня за руку и тянет назад.

– Что такое? – спрашиваю я с недоумением.

– Знаешь, я тут кое-что вспомнила и подумала, что не надо мне конфет. У мамы совсем разошлось полотенце, да и недавно она жаловалась, что совсем после работы в школьной столовой теряет силы. Сейчас весна. Давай ей купим витамины лучше... и полотенце, если у тебя хватит...

Теперь я понимаю, что Никса не только повзрослела, но и стала рассудительной. Витамины стоят катастрофических денег. Всего одна фабрика их производит. Люди даже стоят в очереди на витамины и лекарства по квотам. Купить можно в двух аптеках на окраине, но цены заоблачные. Одна пачка может стоить две моих стипендии, на которые можно даже в центре жить почти месяц.

Я прикидываю в уме, сколько у меня денег. Я скопил чуть больше двух стипендий. Не богач, но и не совсем бедняк. Как раз впритык на витамины и на полотенце хватит. Может, немного на леденцы останется.

– Хорошо, – говорю я, улыбаясь Никсе, и мы идём есть.

За столом похлёбка с куцыми кусками то ли говядины, то ли баранины. После генных модификаций их почти не отличить ни по виду, ни по вкусу. Мама во всём ограничивает Никсу, боится приступов. В этот раз, в честь моего приезда, она разрешает сестре съесть двойную порцию омлета.

– А почему ты не берёшь себе салат? – спрашиваю я у Никсы, поднося к ней миску, полную зелёных листьев с жёлтыми овальными крапинками на них.

Мама решительно отводит миску в сторону, жестом запрещая Никсе есть салат.

– Овощи и травы в последнее время совсем испортились. Ей не стоит рисковать. Качают ещё какой-то химией. Почти в каждом растительном продукте и даже в хлебе есть остатки аквафобина, – поясняет мама.

– Это тот, который делает растения устойчивыми к чрезмерной влажности? – на всякий случай уточняю я.

– Да, у неё на него аллергия. А в животной пище...

– Да-да, мам, я знаю, токсичный белок, который не даёт мясу плесневеть и быстро гнить, – раздражённо произношу я и поддвигаю миску к себе поближе.

– Тем более, ты и сам всё знаешь, – говорит она, не смотря мне в лицо, только изредка поглядывая на уплетающую омлет Никсу.

Мой поток мыслей уходит в университетские лекции по паразитологии, где нам рассказывали о появлении мутировавших видов плесени, способной жить на мясе и рыбе даже при температуре минус двадцать градусов. Такая плесень может быстро разлагать мясные волокна. В «Плазмиде» разработали ген, который встраивают почти каждому животному. Благодаря этому гену в организме свиньи или коровы синтезируется белок, предотвращающий развитие плесени.

– И что, теперь даже из леса и с огорода не раздобыть?

– Ну, до леса ещё долго, только в августе что-то появится. Да ты и сам знаешь, что они теперь творят. Выжгли у знакомых в посёлке весь сад с яблонями в прошлом году и ещё ядом каким-то опрыскали.

– И что, вообще ничего не осталось?! – удивлённо переспрашиваю я.

– Нет, ничего. Выжгли дотла. Сейчас там ни травинки не растёт.

Мама не из тех, кто преувеличивает. Порой она, напротив, описывает всё даже слишком блёкло и непдробно. Если уж она так сказала, значит там сейчас вообще какой-нибудь котлован из химической жижи на месте того самого сада.

– Ума не приложу, зачем они это делают. Народ и так бедствует. Со своих садов и ферм хоть бы разрешили кормиться. Всё запретили, – она тоскливо смотрит в никуда.

Никса вглядывается в печальное лицо мамы, потом её глазёнки обращаются ко мне. Я стараюсь улыбнуться.

После ланча мы быстрым шагом идём в аптеку за витаминами, оттуда на рынок, где покупаем полотенце и несколько леденцов. Никса довольна, но старается скрыть эмоции. Замечаю на её лице смешанные чувства. Она понимает, что беспечно радоваться леденцам ей по возрасту уже не положено, но эмоции слишком сильны.

Остаток дня я помогаю маме разбирать балкон. Кристины, наконец, проснулась после пяти бокалов выпитого шампанского и теперь заваливает меня укорительными сообщениями. В них упреки за то, что я неподобающим, по её мнению, образом вёл себя на балу. Я читаю два из них и откладываю коммуникатор. Сегодня я посвящаю день своему дому и семье. Мы работаем с мамой молча. Я стараюсь не тормошить её, только изредка подбадриваю и говорю,

что после расчистки хлама станет светлее и чище. Через несколько часов работы она уходит готовить ужин.

Вечереет. Через стекла окон вижу, как солнце начинает прятать свой красный диск за далёкий лес. Верхушки огромных сосен и елей видны отсюда сразу за деревянным поселением. Я понемногу отключаюсь от городской суеты и совсем расслабляюсь.

Через час мама тревожно кричит из комнаты Никсы.

– Трэй, скорее сюда. Вызови Мистера Ходжкина!

Это местный доктор. Он один почти на весь район. Выдаёт больничные, осматривает выписавшихся из амбулаторной клиники. С тяжёлыми случаями кладут в стационарную больницу, самую простую, где лечат доступными способами. Удалят аппендицит, сростят кости, откачают после отравления. Каких-то сверхсложных операций там не проводят. Если случилось что-то серьёзное, нужно ехать в центр Мингалоса и лечиться либо за огромные деньги, либо вставать в очередь по квоте от Корпорации. Таких очередников тысячи. Многие умирают, так и не дождавшись операции. Но об этом СМИ всегда умалчивают. В новостях только и успевают рассказывать про то, какие замечательные, удивительные методы бесшовных операций изобрели в главной клинике Корпорации. Эти методы действительно впечатляют, но не менее впечатляет их недоступность для простых смертных. Они созданы только для верхушки «Плазмиды» и для тех, у кого есть большие деньги.

Малютку Никсу кидает то в жар, то в холод. Я вижу, как распухли кисти её рук. Шея вздулась над гортанью. Она сипит. Сестре трудно дышать. Её глаза чуть сузились от отёка. Из краешка левого глаза вот-вот выкатится хрустальная слезинка. Не могу смотреть на Никсу без содрогания. Я хочу взять её за руку и успокоить, помочь ей продышаться, но понимаю, что надо бежать за доктором в единственную дежурную клинику почти в квартале отсюда. Мама пыталась с ними связаться, но никто не отвечает. Возможно, медперсонал на экстренном вызове, а может, просто не хотят разговаривать. Такое уже случалось. Надо идти самим. В этот момент жалею, что у меня нет квадроцикла.

Мчусь по узкой разбитой улочке, сворачиваю налево. Облака сгущаются, небо становится совсем тёмным. Только дождя сейчас не хватало. Я бегу настолько быстро, насколько позволяют мне мои ноги. Ещё один поворот, по пути едва не врезаюсь в пожилую пару. Вижу трёхэтажное здание клиники. Горят окна второго этажа, на первом всё черно. Стучу в дверь. Тишина. Стучу громче. Вновь нет ответа. Стучу ещё и ещё, пока не слышу проворачивание замка с той стороны. Искры света, словно спицы, колют глаза.

– Коулман, ты? – слегка подскриповатым голосом спрашивает меня помощница доктора Ходжкина, женщина лет пятидесяти.

– Да, – я хватаю воздух ртом, пытаюсь отдышаться, – это я, миссис Фрэйм.

– Что случилось? Мама, сестра? – она знает мою семью из-за Никсы.

Миссис Фрэйм одна из немногих, кто радовался за меня, когда я поступил в университетский колледж. Помню, она тогда сказала, что Аридафии очень нужны учёные, а окраинам Мингалоса доктора нужны ещё больше. Почему-то она думает, что я учусь на медицинском, раз связан с нейроисследованиями. Ну, да сейчас это совсем не важно.

– Приступ аллергии, задыхается! – почти перехожу на крик, всё ещё щуря глаза от яркого света.

– Поняла-поняла, сейчас позову доктора, – она спешно скрывается в дверях.

Я жду на крыльце, переминаюсь с ноги на ногу, потом поднимаю голову вверх и мысленно упрашиваю небо не заливать нас водой. Небо меня слышит и, сдерживаясь, видимо, из последних сил, терпит. Выходит мистер Ходжкин с искаженным от усталости после длинного дежурства лицом, он коротко приветствует меня, и мы садимся в электромобиль скорой помощи. Едем молча. Мысленно себя успокаиваю. Главное, чтоб отек не перекрыл полностью доступ кислорода в лёгкие.

Дома Никса лежит вся синюшная и едва слышно дышит через раз, как будто рыдает без слёз. Рядом мама в ужасе приложила руку к мокрому лбу моей сестры. У меня внутри металлическим хватом сжимает сердце. Кислород как будто и мне перекрыли. Мистер Ходжкин просит расступиться и вводит без замедлений дозу адреналина и ещё ядерную смесь каких-то других препаратов. Проходит совсем немного времени, Никсе легче, она начинает дышать глубже и спокойнее.

– Это конфеты, – выпаливает мама, словно оправдываясь, – теперь они и туда эту гадость добавляют или производят из какой-то гадости... я уж не знаю.

– Да уж, – растерянно произносит мистер Ходжкин, убирая ампулы с остатками лекарств в кейс. – Невозможно же её постоянно так откачивать. Однажды это может плачевно закончиться.

Я боюсь думать, чем именно, но подозреваю, что ничем хорошим подобные приступы обернуться не могут. Кома? Удушье? В голове клубятся самые кошмарные образы, но ужаснее всего – видеть в этих образах свою сестру. Меня передёргивает, и я, чтобы отвлечься, подсаживаюсь к сестрёнке на кровать. Мягкими, плавными движениями глажу её волосики. В её взгляде испуг, боль, какая-то раздирающая изнутри тоска. Но есть в них и что-то ещё... твёрдое, непоколебимое... С секунду раздумываю и понимаю, что – мужество.

– Я даже и не знаю, чем теперь её можно кормить. Если даже в конфетах из сахарного сиропа сплошные токсины, – растерянно глядя на мистера Ходжкина, произносит мама.

– Мелиссия, увы, я просил нас выделить нетоксичные продукты для аллергиков, но в Корпорации строгая политика. Они не хотят, чтобы с этих продуктов перекидывалось грибковое заражение, – с сожалением произносит доктор. – А может, и попросту не хотят возиться, проще народ токсинами кормить, зато заражения нет, да и продукты целы. Я слышал, что себе на стол они другие продукты поставляют.

Мама качает головой и тяжело вздыхает. А в моей голове растут сомнения в правильности пищевой политики «Плазмиды».

Весь следующий день я провожу рядом с кроватью Никсы, пытаюсь развеселить её всеми доступными мне способами. Она вновь вялая и почти не улыбается. Теперь она похожа на маму. Меня это тревожит. Два вялых существа в одной квартире – это уже слишком. С этой мыслью я проживаю весь день до глубокого вечера.

Утро моего отъезда Никса уже ходит, но её тошнит и водит из стороны в сторону. Мне больно смотреть на неё, совсем не хочется оставлять её тут на маму. Сегодня я ей не доверяю ещё больше. Она своим уныньем лишь усугубляет положение дел.

– Пока, Трэй. Я буду скучать по тебе, – ослабевшими руками она обнимает меня.

– Я обещаю что-нибудь придумать. Ты веришь мне? – спрашиваю я, глядя сестрёнке прямо в глаза.

– Да, Трэй. Я всегда тебе верю.

– Никса, пообещай, что будешь сильной и крепкой. И будешь помогать маме. Мы скоро увидимся.

– Обещаю, – она смотрит мне в глаза, и я ей верю. Больше, чем маме, как самому себе. Она теперь совсем выросла.

Я ухожу один. На этот раз никто меня провожать не пойдёт. Никса должна оставаться дома, а мама присматривать за ней. Поезд в 7:00. Я ещё успею на работу.

Состав ползёт длинной гусеницей. Мы въезжаем в тоннель. Глаза слипаются после бессонной ночи из-за тревог за Никсу. Несколько раз я вставал и заходил в комнату, прислушиваясь к её дыханию, едва уловимому, но такому успокаивающему. На глаза падают гири, мозг приказывает сам себе уснуть.

На границе с одиннадцатым периметром сегодня особенно тщательный контроль. Едва приоткрыв глаза, вижу, как специальный отряд экологической полиции тщательно проверяет

вагон, высматривая и вынюхивая малейшую подозрительную вещь. Я первый раз всерьёз задумываюсь: что они так старательно выискивают? Поддельные документы, оружие, запрещённые натуральные продукты или нечто более важное и опасное для них, для системы? Два буйвола в тёмно-зелёной форме подходят ко мне. Один длинным щупом больно тычет меня сонного в плечо, пытаясь поскорее растолкать. Мой раздражённый взгляд заставляет его отвести от меня металлический прибор для досмотра. Многоугольная головка сканера дрозда, зависшего в воздухе, поворачиваются в мою сторону. Грани сканера играют в лучах утреннего солнца, разбрасывая блики по потолку вагона. Безжалостный робот-убийца, лишённый души и сердца, с этого ракурса выглядит не таким уж грозным.

– Мистер, что у вас в сумке? – басит буйвол с татуировкой на шее в виде щита, отражающего лазерный луч или что-то в этом духе.

– У меня... эээ, да ничего особенного, – приходя в себя, отвечаю я и растёгиваю лежащий рядом со мной рюкзак.

– Запрещённые предметы есть? – буйвол горланит стандартный вопрос, запихивая щуп поглубже, чтоб он сумел достать самое дно.

– Нет, ничего.

– Так, вроде чисто, – через пару секунд, вытаскивая щуп, произносит полицейский-досмотрщик, – приятного пути.

– Спасибо, – бурчу я, поглаживая ещё ноющее плечо. Хорошо, что на этот раз правое. Вспоминаю толчок Тода несколько дней назад. Злость сводит челюсти. Хочется прямо сейчас заехать и буйволу, и Тоду в челюсть. Кому первому? Через десять минут здравомыслие одерживает верх над эмоциями, мой мозг позволяет мне не думать о бессмысленной обиде. Хотя какая-то тревога и ощущение непонимания от всего происходящего остаются.

Высидевшись с поезда, очень быстрым шагом семеню в сторону дома, нужно взять компендиум на сегодня и кое-что прихватить из своей домашней исследовательской лаборатории. До работы ещё больше получаса. Переодеваюсь, беру всё необходимое и вылетаю из квартиры. Лифт ракетой несёт меня вниз.

Выйдя из дома, наблюдаю, как дроиды-уборщики старательно перетасовывают мусор, распихивая по разным секциям. Вспоминаю, что сегодня понедельник. В начале недели мусор всегда убирают. Запах стоит отвратный, но его обычно быстро развеивают. Мой взгляд падает на кучу пищевых отходов, сверху которой лежит надкусанная мною почти неделю назад помидорка. Это точно она. Она блестит глянцем. Всё такая же на вид яркая и свежая, алая, будто только с теплицы. Морщась, я протягиваю руку и беру помидорку. Она так же хороша и вполне аппетитна.

Я помню, как быстро портились яблоки, которыми меня угощала бабушка. От них пахло природной кислотой и железистой эссенцией. Если яблоко из сада откусишь, то в тот же день оно потемнеет, а через два-три совсем испортится. В маленькой теплице на заднем дворе дома, в котором она доживала свои последние годы, рос физалис, сладкий перец и всегда несколько кустов помидоров. Созревая, те помидоры едва становились розовыми, но их вкус был насыщенным, мягким и бархатистым. Такие помидоры быстро портились, если их не успевали съесть. С этим же помидором, излучающим неестественную свежесть, что-то не так. Я тарашусь на помидор.

Окидываю взглядом кучу мусора и понимаю, что со всей нашей едой определённно что-то не так. Слова мамы про то, что она не знает, чем теперь кормить, звучат для меня совсем по-другому. Я ощущаю себя беспомощным. Хочется кричать. Некоторое время стою и ошарашенно смотрю на кучу пищевых отходов. Там НЕТ ничего, хоть сколько-нибудь похожего на гниль. Корки апельсинов почти не высохли, половина баклажана абсолютно цела и невредима. Сколько она там пролежала? Не меньше моего помидора. Откуда тогда запах? Чего-то тухлого.

Наверное, мясо. Оно ещё способно портиться, а овощи и фрукты – практически нет. Пинаю со злостью контейнер с мусором. Хочется рычать и ругаться. Сдерживаюсь.

За спиной слышу чьи-то быстрые шаги, лёгкие и будто бы воздушные, едва касающиеся плиточных поверхностей. Я оборачиваюсь и вижу, как мимо стремительно проносится девушка с густыми, развевающимися волосами. Она словно подпрыгивает при ходьбе. Створки лифта быстро скрывают её пышную шевелюру. После неё остаётся лишь нежный аромат. Он сладкий и естественный. Что это? Орхидеи, фиалки? Я не силен в ароматах цветов. Но я уверен, что этот запах навсегда врежется в мою память. Кто эта незнакомка? Я ни разу её не видел в нашем подъезде. Может, плохо присматривался? «Вряд ли», – отмахиваюсь сам от себя. У меня хорошая память на лица и образы с детства. Провалы на это не повлияли. Какое-то время я думаю о девушке, пытаюсь припомнить, не видел ли я её раньше, но постепенно поток мыслей вновь притекает к помидору и куче биоотходов. Я разворачиваюсь, бросаю помидор назад в мусор и говорю себе, что пора прибавить шагу, чтобы не опоздать.

В голове всплывает последний приступ Никсы. Таких сильных проявлений аллергической реакции у неё не было очень давно. Может, конечно, мама не всё мне рассказывает. Но думаю, что она бы не стала такое прятать. Если дело пойдёт так и дальше, то ещё неокрепшее сердце Никсы может однажды не выдержать и остановиться. Ладони рук увлажняются, физиологически подтверждая мою внутреннюю панику, назойливую и бесконтрольную.

Подходя к главному зданию «Плазмиды», я уже не смотрю на него с вдохновением, как раньше. Мои мечты и планы относительно светлого будущего тают. Я и раньше не был в восторге от политики Корпорации и нашего «старого-нового» президента, но сейчас меня переполняет лишь разочарование, злость и презрение.

Весь день я хожу сам не свой. Тогда почти не замечаю, который старается делать вид, что и он меня не видит. Кристины сегодня не пришла. Видимо, дуется из-за бала. В очередной раз промелькивает мысль, что пора разрывать наши странные отношения. У меня нет сил играть в игры по её надуманным правилам. Я считаю, что отношения должны складываться сами собой, без лишних претензий и требований. Требование одно – взаимная любовь и уважение. Люди вместе, потому что нравятся друг другу, этого достаточно. Кристины явно считает иначе.

Вечером я иду на прогулку, она не освежает меня, а лишь тяготит неоднозначными мыслями, сдавливающими и морщинащими моё тело. Я смотрю на изуродованное елово-грушевое дерево, и в моей голове начинает рождаться план, невыполнимый, рискованный, самонадеянный, безумный, но от этого ещё более будоражающий моё сознание. Я решаюсь бросить вызов беспощадной политике Корпорации и подмятому под её глыбой влияния государственному аппарату. Людей заключили в пищевое рабство. Пора снять с них эти оковы.

Глава 5

Я хожу на работу как робот-андроид. Стараюсь ни с кем особо не общаться. Я теперь, вероятно, так же бледен и безэмоционален, как и большинство моих коллег. Агафии, возможно, даже легче от того, что я с ней почти не разговариваю. Пару раз начальник Пош кидал на меня хмурый, озадаченный взгляд, но потом отмахнулся и перестал обращать внимание, видимо, решив, что я перегружен подготовкой к диплому.

Большую часть времени приходится проводить в ангаре, где размещены четыре испытательных аппарата-беспилотника. Они почти такие же, как у службы безопасности Корпорации, но в них немного иначе устроена панель управления. Аппараты выглядят громоздко, но способны на многое. Два обхватывающих полукруглых крыла облегают почти прямоугольную кабину с небольшим грузовым отсеком сзади. Передняя часть кабины чуть скошена, поэтому окна наблюдения располагаются под углом, образуя полутрапецию в сечении. Все аппараты имеют вертикальный взлёт и посадку.

Моя задача – научить их двигаться максимально плавно и аккуратно, учитывая самые тонкие изменения в активности мозга, через волны которой транслируются умственные команды. Я почти доработал технологию, осталось совсем немного. Ещё в первой половине двадцать первого века подобное считалось невозможным, но сейчас благодаря методу полифазной тензорной «дифракции» мозговых волн можно распознать активность даже небольших групп нейронов. После того как волны биоэлектрической активности мозга зарегистрированы на детекторах, пикопроцессором не делается классического преобразования Фурье, позволяющего увидеть спектральную группу полученной электроэнцефалограммы. Это слишком грубовато для моих задач. Вместо этого создается четырехмерная модель времени-пространства всех магнитных моментов небольших групп нейронов. Это позволяет очень быстро видеть в какой момент те или иные области мозга наиболее активно вовлечены в обеспечение умственного процесса. Алгоритмы очень быстро обучаются отслеживать ход мыслительного сигнала у каждого конкретного человека, а затем моментально интерпретировать их в вербальные команды для управления летательными аппаратами. Это открывает впечатляющие возможности по декодированию нервно-психической деятельности мозга в самых разных целях, в первую очередь в обучении и медицине. Как и хотел бы мой научный руководитель...

Сегодня, спустя неделю после возвращения с окраин, я смотрю перед собой, и сердце замирает, когда аппарат неспешно и величественно взлетает над моей головой. Я едва перевожу взгляд вправо, как хвостовая часть крыльев моментально изменяет угол отведения, и беспилотник устремляется в сторону. Хорошо, что ангар очень просторный и есть поле для манёвров. Но скоро этого будет явно недостаточно. Завтра я попрошу у главного инженера разрешение на открытие верхних створок крыши. Мысленными командами сажаю беспилотник и улыбаюсь.

Теперь это часть моего плана. Я разработал технологию не для Корпорации, а для себя, для освобождения людей. Мою голову опьяняет самовосхваление, но я тут же беру себя в руки. Нужно ещё многое хорошенько продумать, самолюбование лишь ослепляет и одурманивает идущего к цели.

До защиты диплома ещё две недели. Я стараюсь не пропускать тренировки в зале и усиленно занимаюсь дома борьбой. Это также входит в мой план. С каждым днём он становится всё сложнее. Я осознаю, что выполнить задуманное будет чрезвычайно непросто, но, как мне кажется, это того стоит.

Мой безумный план состоит в том, чтобы проникнуть в Научный институт высокочистых первозданных растений (НИВПР) и выкрасть оттуда семена натуральных растений. Нас водили по их хранилищам на экскурсию, когда мы учились ещё на первом курсе. Идти туда, чтобы

посмотреть на горстки семян под колпаками, казалась мне чем-то странным. Как сказали нам на экскурсии: «Эти семена являются архаизмом, пережитками прошлого. Они напоминание о том, с чего всё начиналось». На самом деле, не все семена в хранилищах являются дикими вариантами, некоторые были выведены в результате селекции еще до появления ГМО. Они не содержат токсичных компонентов, на которые у Никсы аллергия. Вот их-то я и собираюсь похитить.

Да, я знаю, что красть всеобщее достояние – нехорошо. «Но разве не для такого случая были зарезервированы семена?» – рассуждаю я про себя. Кто может нам запретить пользоваться дарами природы? Сейчас именно в этом я вижу спасение Никсы. Я осознаю риски и последствия, но это лишь ещё больше разжигает во мне желание воплотить план в реальность. От этих мыслей начинает сосать под ложечкой. На самом деле я не собираюсь красть все семена, я лишь возьму понемногу из разных хранилищ.

Я иду домой, неспешно шаркая по плитке. Сегодня я задержался дольше обычного, почти до 22:50. Уже начало двенадцатого, когда я выхожу с пропускного пункта. Мне разрешается работать лишь до одиннадцати вечера. С 23:01 все входы и выходы ангара блокируются. Ангар находится в южной части шестого периметра. Идти ещё четыре квартала, если срезать по диагонально-ступенчатому маршруту. Температура на улице снизилась. Шею холодит свежий воздух. Он относительно сухой. На окраинах такой же поток влажного воздуха заставил бы всё моё тело начать дрожать от сырого холода.

Сегодня я не буду махать кулаками или отжиматься, а лягу спать. По пути можно обдумать, как проникнуть в хранилище семян. «Взорвать дверь? – рассуждаю я. – Нет, не то, глупо, да и где взять взрывчатку? Сверху не подлезть. Вентиляционная шахта только на втором этаже в другом корпусе». Я сворачиваю на косую улицу и продолжаю размышления, проходя между высокими административными зданиями. На флагштоке одного из них флаг Аридафии. На сиреновом фоне золотыми нитями в вытянутый овал вписана женская фигура. Руками она симметрично раздвигает контуры овала, словно не давая им сомкнуться. Овал символизирует очертания оставшейся части суши, а фигура женщины – это богиня, защищающая сухопутные границы от натиска океана. Я смотрю на флаг. Он едва колышется на ветру, но выглядит благородно и величественно.

Мысли о реализации безумного плана вновь завладевают мной. Если бы я мог раздобыть кодовый ключ – пропуск в хранилище, чтобы беспрепятственно проникнуть внутрь, не привлекая лишнего внимания, и забрать что нужно. Проблема в том, что я почти ни с кем никогда не общался ни в Корпорации, ни в колледже. В школе я умел завоёвывать внимание, но не без помощи хитростей, конечно же. В центре Мингалоса вся моя энергия уходит на учёбу и работу. Я даже не знаю по именам многих ребят с нашего курса, лишь некоторых из них. «Если бы найти того, кто может иметь доступ к хранилищам в Институте, – рассуждаю я. – Нет, это тоже глупость. Он или она сразу же выдаст меня экологической полиции или службе безопасности Корпорации, что, в общем-то, одно и то же. Значит, нужно как-то раздобыть этот грёбанный ключ!» Сегодня я уже слишком устал, чтобы ещё что-то додумывать. С трудом доковыляв до входной двери, вваливаюсь в квартиру и немедленно залезаю в душ. Быстро споласкиваюсь и нагишом иду в комнату. Подушка моментально набрасывает сверху пелену сна, глубокого и крепкого.

Наутро я спокойно просыпаюсь, сегодня мне не снился мыльно-водяной пузырь. Или, быть может, я не помню свои сны? Вчера мне с утра завезли новую порцию продуктов. В холодильнике есть йогурт и какие-то пирожные. Наспех съедаю одно из них. Оно кажется сладко-солончатым на вкус. Йогурт добавляет кислоты к завтраку. Живот полон, можно выдвигаться на учёбу.

По пути в колледж вновь про себя рассуждаю о возможных способах проникновения в хранилище. Я так много думаю об этом в последнее время, что план Института уже прочно

впечатан в моей памяти. На всякий случай сегодня ещё раз посмотрю на него в университетской электронной библиотеке.

Две пары отсиживаю как на иголках, мысли не дают покоя ни на секунду. Быстро съедаю свой ланч и мчусь в библиотеку. Обычно здесь много народу, но сегодня всего три человека, не считая меня. Сажусь перед монитором, погружаю пальцы в резиновую панель, внизу появляется виртуальная клавиатура. Набираю в овальном поисковом окне «синтез полипептидной цепи типа СХ116». Жалею, что не уделял должного внимания общим курсам по биохимическому синтезу. Сейчас бы эти знания мне оченьгодились. Чешу затылок и осторожно оглядываюсь по сторонам, чтоб никто не глазел, чем я тут занимаюсь.

Дедушка рассказывал, что раньше знания были доступны всем. Вокруг Земли на её орбите вращались тысячи спутников. Они сообщали людям их координаты в любой точке планеты. С помощью них работали устройства спутниковой связи. Позднее появились вышки связи, расставленные по поверхности континентов узорами, походившими на пчелиные соты. Вышки отправляли и принимали радиосигналы. Устройства связи, называемые смешным именем «телефоны», попадая в пределы вышек, могли обмениваться данными, отсылать сообщения и совершать голосовые вызовы.

Люди протянули десятки тысяч сверхскоростных оптических кабелей по дну океана, чтобы общаться друг с другом на разных континентах. Спутники, вышки и кабели связали всю планету единой сетью, называвшейся «Интернет». Находясь в тысячах километрах друг от друга, люди могли моментально увидеть друг друга. Интересно, как это было – постоянно общаться друг с другом? Что они писали и говорили друг другу? Использовали они эти фантастические технологии для важных разговоров или без умолку болтали и писали глупые сообщения, такие же, как мне отсылает Кристины? В голове всплывают картинки с тысячами людей, сидящих с прямоугольниками телефонов и машущих руками в экраны. Они улыбаются и светятся счастьем.

После солнечных выбросов практически все спутники вышли из строя. Многие просто упали, сгорев в атмосфере. А те, что чудом уцелели, вероятно, вышли из строя навсегда. Кабели разорвались. Вышки сотовой связи затопило, некоторые упали сами. Так всемогущая сеть Интернета была разрушена. Единичные уцелевшие вышки можно встретить и сейчас. Одна такая стоит в лесу, но она ржавая и кажется, будто вот-вот свалится набок.

Около десяти лет назад «Плаزمид» совместно с тогдашним президентом запустила строительство своих собственных вышек в самых крупных населённых пунктах Аридафии. Сейчас уже построено немало вышек, с помощью которых мы можем общаться. Два года назад я купил себе новый коммуникатор, он очень гибкий и стильный. Я давно о нём мечтал и вот купил. Самый первый мама подарила мне, когда я поступил в колледж, его я и отдал Никсе. Так мы можем обмениваться сообщениями и видеть на карте, кто из нас где находится. Мы не совершаем голосовых вызовов, потому что это очень дорого, нам достаточно коротких сообщений.

У Корпорации есть своя внутренняя сеть. Она не такая совершенная и обширная, как уничтоженный Интернет, но там хранится вся база данных, в том числе с уцелевших резервных серверов. К этой базе данных я сейчас и пытаюсь подключиться, чтобы найти биохимический алгоритм для синтеза белка, свободного от токсичных веществ. Если я научусь быстро синтезировать белок, то частично проблема с аллергическими приступами Никсы будет решена. Увы, растения в любом случае придётся выращивать самому. Без растительной клетчатки никуда. С её помощью растущий организм Никсы сможет получить нужное количество витаминов.

Через час поисков нахожу некоторые алгоритмы ускоренного синтеза, и меня это радует. Я даже знаю, где взять необходимые реагенты и среду. На моём лице проступает улыбка, а из живота через грудь к горлу прокатывается волна восторга. Сворачиваю страницу с формулами. Вновь озираюсь по сторонам, чтоб узнать, не привлёк ли я к себе чьё-то внимание. Тут приходит сообщение от Кристины: «Привет, утёночек! Я сегодня отпросилась пораньше у мистера

Плантикса. Может, ходим на оперу? Или ты опять вечером идёшь прыгать между стенами и бултыхать ноги в бассейне?»

Ненавижу, когда она называет меня утёночком. Я ни капли не похож на утку или кого-то вроде неё. Какая, к чёрту, опера! Диплом на носу и мой план, сумасшедший, заполняющий всё пространство моего совсем не бесконечного сознания. С минуту сижу хмурый от раздражения. Сейчас я даже радуюсь, что у нас нет тех удивительных технологий, которые были у людей в начале двадцать первого века. Я бы с ума сошёл, если бы Кристины постоянно со мной общалась, желая видеть моё лицо. Про себя смеюсь этому факту и постепенно успокаиваюсь.

Некоторое время сижу, уставившись на фиолетовый экран с логотипом колледжа. В голове что-то вертится, что-то пытается собраться в единую структуру. И тут внезапно меня осеняет идея: «Мистер Плантикс! Этот старый, полувыживший из ума биотехнолог! Он же нас и водил в НИВПР и показывал семена, и у него есть доступ к хранилищам. Кристины работает под его руководством, значит, я могу зайти к ней и выкрасть ключи. Только пока не знаю как, но это вполне вариант!»

Обрадованный, я спешно сохраняю себе на съёмный цилиндрический носитель данные о синтезе белков и, окрылённый, вылетаю из библиотеки. Вообще-то, я уже совсем всерьёз подумывал разорвать с Кристины, но сейчас этого делать ни в коем случае нельзя. Придётся тащиться сегодня на оперу. Не то чтобы я не люблю музыку, просто сейчас в моей жизни она не к месту.

Зал сегодня полон лишь наполовину. Я почти не слушаю старательно вытягивающую ноты диву. Она блещет в своём великолепном пышном белом платье, но мне не до неё. Голова доверху забита мыслями, настолько плотно, что там негде даже микробу пробежать. Кристины не очень нравится. Я это вижу по её дёрганию и ёрзанию на стуле, но она изо всех сил старается не выдавать своего раздражения. Посещение оперы – это часть её имиджевого ритуала, бессмысленного, но невероятно важного. Нужно соответствовать предъявляемым требованиям. Завтра она расскажет всем своим подругам и их бойфрендам, что была со мной на опере. Часть о том, что это было невыносимо утомительно, будет деликатно опущена. Слушающие придут в неопикуемый восторг. Говорящая останется довольна собой и своим образом. Партия разыграна.

– Кристины, а почему ты никогда не приглашаешь меня в гости на ваш этаж? – нарочно пренебрежительным тоном спрашиваю я, когда мы выходим на улицу.

– Эээ, что? Не поняла, – едва опомнившись и возвращаясь в реальность после сомнамбулического транса, переспрашивает Кристины.

– Ну, ты ни разу не приглашала меня в гости к себе на работу. Хотя сама к нам на этаж спускаешься.

– А, да как-то не думала, что тебе охота к нам идти. Ты серьёзно хочешь?

– Ну да, – совсем искусственно небрежно кидаю я, – почему нет? Это же весело – ходить друг к другу в гости.

– Ну хорошо, приходи. Хоть завтра! – уверенно произносит она и закатывает глаза к небу, тёмно-синему, с распластанными жидкими полосками сероватых облаков.

«Вот так легко и непринуждённо дочь высокопоставленной начальницы Корпорации запросто нарушает все правила и запреты, – думаю я. – Нужно идти в обязательном порядке, чтобы разведать обстановку».

– Вот и приду завтра после обеда! Жди! – почти неестественно смеюсь я, хотя внутри совсем не смешно.

– Давай я сама спущусь и встречу тебя у лифта. Ты же сам не сможешь подняться. Тебе только спускаться на лифте можно.

– Да, давай так и сделаем.

Я больше чем уверен, что Кристины даже и в голову не пришло, что я преследую какие-то корыстные цели. Скорее всего, она, наоборот, сейчас думает, что после оперы я захотел стать к ней ближе и видаться чаще. Возможно, она даже сейчас себя нахваливает и думает, какая она молодец. Хотя это всего лишь мои мысли, что на самом деле думают женщины – для меня всегда будет оставаться загадкой.

Мы прощаемся у её дома, тоже многоквартирного, но гораздо более роскошного. Прихожие в таких квартирах невероятно просторные, а каждая комната почти как три моих. Она целует меня, но не зовёт внутрь, лишь, таинственно улыбаясь, смотрит в глаза. Разворачивается и уходит. Я ещё раз подмечаю, что у неё точёная, словно после работы античного мастера, фигура, и я не прочь даже пойти за ней, но раз она не зовёт, не буду напрашиваться. Жду, пока лифт унесёт её на пятый этаж. Домой иду быстро, стараясь не оглядываться.

На следующий день с нетерпением жду обеда и его окончания. Нужно уже скорее приступать к реализации плана, а для этого необходимо раздобыть ключ от хранилища. Едва подхожу к лифту, как из него выходит Кристины. Сегодня она выглядит слегка помятой и растрёпанной, самую малость. Если бы я её не знал хорошо, то подумал бы, что всё в порядке.

– Привет, утёночек, – она тянется к моей щеке и едва ощутимо проводит по ней пухлыми губами.

«Опять это дурацкое обращение “утёночек”», – выругиваюсь про себя.

– Привет, Кристины, – делаю максимально добродушный голос и сдерживая раздражение, произношу вслух. Негодование на моём лице маскирует улыбка. Надеюсь, что я выгляжу естественно и приветливо.

– Ты поел?

– Да. Очень плотно.

– А мне сегодня что-то ничего не лезет в рот. Может, к вечеру аппетит нагуляю. Хм, а может, это из-за плотного завтрака, – словно забыв, о чём мы договаривались, начинает рассуждать она, чуть закатывая глаза.

– Так мы пойдём сегодня осматривать твои владения? – с улыбкой вбрасываю в поток её размышлений свой вопрос.

– Эээ, ну да. Трэй, только не очень долго. Мистер Плантикс отошёл по делам. Можно зайти, но он должен скоро вернуться.

– Да без проблем. Просто гляну одним глазком, как вы там вообще работаете. Интересно же, чем ты живёшь в Корпорации, – вскидывая брови и изображая на лице гримасу заинтересованного добродушного болвана, небрежно бросаю я.

– Ну хорошо, тогда пойдём, – она скрещивает на груди руки. – Там, правда, особо не на что смотреть, – отстранённым голосом произносит Кристины, разворачиваясь к лифту.

Мы поднимаемся на двадцать восьмой этаж с нашего пятого. Выйдя из лифта, я испытываю дежавю. Коридор и стены точно такие же, как у нас. Даже цвет один в один. Неужели тут все этажи настолько одинаковые? Из лифта мы сворачиваем налево. В конце коридора кабинет руководителя отдела. Только в этом и заключается всё отличие. Кабинет Поша на нашем этаже справа от лифтов, рядом с лабораториями.

Здесь всем руководит мистер Плантикс, Кристины – его помощница. Сколько раз она жаловалась мне, что он уже жутко старый и почти выжил из ума. Однажды она пошутила насчёт того, что его семья пустила корни в самые недра Корпорации и теперь его никак не выдернуть из-за этих корней. Кристины идёт первой, своим цилиндрическим ключом открывает дверь, осторожно заглядывает внутрь, будто боясь увидеть там что-то страшное, а потом распахивает дверь и уверенно входит. Видимо, Мистер Плантикс ещё не вернулся.

– Вообще, по секрету, обычно эта дверь открыта, – тихо произносит она, пожимая плечами. – Но когда он уходит, зачем-то запирает её.

В просторном, светлом помещении с двумя рабочими столами, монитором и шкафом для документов нет никого, кроме нас. В задней стене дверь, ведущая в кабинет Плантикса, там, наверное, и должны быть все ключи. Кристины начинает тараторить, рассказывая о неудобствах своей работы. Она похожа на куклу, жалующуюся на то, что её поселили в слишком маленький игрушечный домик. Я не слушаю Кристины, лишь киваю и оглядываюсь по сторонам. Она указывает мне на стул. Я сажусь, она располагается с другой стороны стола. Я кошусь на дверь, ведущую в кабинет Плантикса. Какое-то время мы болтаем о всякой ерунде, интересной Кристины. Тут раздаётся звук неуклюжих, тяжёлых шагов.

– Это мистер Плантикс идёт, – шепчет мне Кристины.

– Может, я пойду? – отчего-то несколько испуганно говорю я.

– Нет, не надо. Он не злой. Я ему рассказывала про тебя. Он знает, что...

Дверь распахивается, и в кабинет входит полный мужчина лет семидесяти. Он тяжело дышит, будто через узкую трубку. С лёгким смущением смотрит своими узкими сероватыми глазами то на меня, то на Кристины.

– Это мой Трэй, мистер Плантикс, я вам о нём рассказывала, – улыбаясь, оправдывается Кристины.

– Здравствуйтесь, – выдавливаю я.

Плантикс молчит. Я разглядываю его лицо, обрамлённое неопрятными серебристыми прядями волос. Интересно, в его возрасте ему прощают столь неаккуратный вид? Под его глазами две длинных, узких, похожих на щели вмятины. Вероятно, из-за наплывов жира на лице.

– Он работает ниже в отделе, зашёл в обеденный перерыв.

– Я с вами ходил на практику в НИВПР, когда учился в колледже на первом курсе, – пытаюсь разрядить обстановку, добавляю я.

– Ааа, вспомнил, – произносит Плантикс после секундной паузы, теперь приблизившись и разглядывая меня в упор. – Вернее, вспомнил не тебя, а то, что рассказывала Кристины.

Его голос не звучит угрожающе. Он вполне приветлив.

– Да, наверное, сотни студентов с вами ходят на практику, – продолжаю разряжать обстановку я.

– Это верно, – говорит он мне и, улыбаясь, переводит взгляд на Кристины. – Вы только не забудьте за делами амурными, что нам скоро готовить практику для новичков.

В этот момент вмятины под его глазами становятся более глубокими и искривлёнными.

– Да, мистер Плантикс, я поняла.

– Отлично, я тогда в кабинет, – басисто кашляя, говорит он. – Если кто зайдёт, я там до вечера, – он открывает боковую тонкую створку шкафа (которую я даже не заметил) и достаёт оттуда ключ от кабинета. Там же я вижу ещё четыре цилиндрических ключа. «Неужели он и правда такой маразматик, что хранит ключи в столь легкодоступном месте?» – недоумеваю я про себя. Но меня этот факт радует. Возможно, достать ключ будет проще, чем я думаю.

– Вам удачных исследований, Трэй, – улыбается он одной половинкой рта, искривляя линию под глазом.

– Спасибо, мистер Плантикс, – учтиво киваю я.

– Кристины, не засиживайтесь. Ребятам нужна практика, – говорит Плантикс, открывая дверь своего кабинета.

– Достал уже с этой практикой, – полушёпотом злобно шипит Кристины, когда дверь за её начальником захлопывается.

– Это для студентов, да? – интересуюсь я.

– Ага. Как и вас тогда водили. В этом году они хотят что-то поинтереснее придумать. Я даже не всё ещё знаю. Готовлю план экскурсии. Вообще, Плантикс любит студентов и любит преподавать. Это его негласное хобби.

– Понятно. Не знал этого.

– Угу, – подперев рукой подбородок, она отстранённо глядит на шкаф с документами.

– И ты их сама поведёшь в НИВПР?

– Мы вместе с Плантиksom.

– Ого! Это же будет интересно. И ты сама будешь всё показывать? – аккуратно выуживаю я нужную информацию.

– Ну частично. Плантикс сказал, что сделает, может, мне запасные ключи от лаборатории и резервных хранилищ.

Когда она это произносит, у меня от напряжения стягивает мышцы живота.

– Это же ответственно. Он тебе настолько доверяет? И даже ключи дадут? – подвожу я разговор к нужным вопросам.

– А что такого? – она смотрит на меня, затем переводит взгляд в сторону шкафа. – Вон они, все ключи висят. Я и так могу ими пользоваться.

«Значит, там то, что мне нужно», – ликую я в мыслях.

– Эх, а мне пока настолько не доверяют, – чтобы объяснить свои вопросы, произношу я.

– Ну погоди, тебя же скоро повысят. Я даже с мамой об этом говорила.

В этот момент в голове мелькает: «А не Кристины ли подсуетилась насчёт назначения меня начальником лаборатории?» Впрочем, мне плевать. Сейчас есть раздумья поважнее.

– И что она сказала?

– Ничего. Сказала, что ты исполнительный и ответственный, со слов Поша, и тебе можно доверить важные дела. Да, впрочем, неважно. Ты мне лучше скажи, что ты планировал на выходные?

Она намекает на совместный поход куда-то. И ведь придётся идти.

– Пока ничего. Есть предложения?

– Да. Но я ещё не решила. Сообщу тебе попозже.

– Хорошо, я тогда побежал, – встаю со стула.

– Чмокни меня, утёнок.

Я целую Кристины в щёку. Она встаёт, и мы вместе возвращаемся на мой этаж. Там я её целую ещё раз. Она поднимается обратно к себе.

Глава 6

Прошло уже больше полутора недель с того момента, когда я узнал, что ключи находятся в маленьком отделении за боковой дверцей шкафа. Два раза я успел прогуляться до НИВПР и обратно. Рядом с институтом разбит сквер – единственный в городе. Пышные кроны ясеней скрывают прогуливающихся в тени от дневного палящего солнца. Именно в густоте ясеней я спрятался, когда через щель в заборе наблюдал за сотрудниками.

Все строго по расписанию покидают территорию института до половины одиннадцатого вечера. Сверху хорошо прослеживается форма главного здания в виде буквы «Н». Со стороны сквера можно видеть лишь боковые атриумы. Отсюда здание предстаёт в виде римской цифры «I». Два корпуса соединены галереей. С обеих сторон галереи в боковых атриумах курсируют охранники. Но не всегда. У них пересменка в 22:35. Вообще, я заметил, они жутко ленивые и нерасторопные. Это не буйволы-проверяльщики в поезде.

Прорабатывая детали плана, я решил, что мне потребуются очки ночного видения со встроенным двойным инвертоскопом. В таких очках перед глазами три картинки. Ты видишь всё перед собой, а специальная система линз и зеркал демонстрирует тебе, что происходит с боков. Это полезно, чтобы не крутить головой лишний раз. Я рад, что теперь такие очки есть и у меня. Они же мне заменят маску, если я попаду под датчики наблюдения. Это, конечно, не самая последняя модель с новым типом электронно-оптического преобразователя, но всё же вполне мощный инструмент. Жаль только, что с ручным переключением режима. Лавочник мистер Феликс долго и подозрительно приглядывался ко мне, прежде чем согласился их продать.

Когда я был совсем маленьким, мы бегали с ребятами из начальной школы и глазели на бинокли, маскировочные костюмы, ружья и диковинные приборы для разведки и военных действий. Многие из них сохранились у мистера Феликса ещё со времён до глобального затопления. Люди тогда воевали друг с другом. Сейчас Корпорация воюет со своими же гражданами, но уже на другом фронте. Иногда в моей голове не вяжется цепь произошедших во время затопления событий, но заваленный миллионом учебных и рабочих задач, я всё меньше об этом думаю. Мысли вновь и вновь возвращаются к моей экстравагантной затее. Я сижу за кухонным столом и думаю, что теперь мой план практически идеален.

В пятницу, воскресенье и вторник я выбирался поездом на окраину. Целью моих поездок было приобретение нужного оборудования, в том числе и очков. На полулегальном рынке «Всемогущая Афина» можно раздобыть всё что угодно. Некогда дедушка там покупал себе запчасти и патроны для старого охотничьего ружья. Я раздобыл несколько кошек-крючков. Купил костюм из маскировочной ткани. Он чуть жмёт, но думаю, если походить в нём по дому несколько дней, он разносится. На вопросительные взгляды проверяющих в поезде я сказал, что теперь хожу в секцию скалолазания и мне нужны кошки для страховки. Буйволы хмуро кивнули и пошли дальше.

С очками я поступил осторожное. Они разборные, состоят из трёх частей. Я купил футляр для обычных очков и перевозил каждую из частей по отдельности. Именно по этой причине мне пришлось совершить три поездки. К моему счастью, буйволы ни разу не обратили внимания на футляр. Вообще-то очки со встроенным инвертоскопом не являются запрещённой вещью, но я не хотел лишний раз попадать под подозрение. Неизвестно, какие трудности меня могут поджидать во время осуществления задуманного, но нейроны моего мозга беспрестанно трудятся, чтобы предусмотреть самые разные варианты событий.

Задача не из лёгких, особенно для человека без серьёзной боевой подготовки. Надеюсь, те месяцы, что я потратил на занятия рукопашным боем в спортивной секции, мне не пригодятся, а если и пригодятся, то лишь в самом крайнем случае. Тренер был так себе, он посто-

янно то отлучался на всё время занятий, то показывал из раза в раз одни и те же приёмы, а потом ставил нас в пары и заставлял драться. Мне повезло, что в секции меня ставили в паре с Крисом, который был на голову выше, да ещё и намного опытнее меня. Крису было поначалу скучно со мной бороться из-за того, что он быстро ушатывал меня, но затем он стал делиться мастерством в виде полезных советов.

Это он, а не тренер, научил меня правильно стоять во время атаки, закрывать шею, вкладывать силу тела в удар. Наши тренировки стали интереснее. Мне показалось, что в какой-то момент у Криса даже появился азарт в глазах, потому что я стал сильнее. Обычно он всё равно побеждал, но несколько раз мне всё же удалось ему смачно накатить в подбородок и по рёбрам. Потом Крис уехал на север к отцу, бывшему старому вояке. И я перестал посещать тренировки, не видя в них больше смысла. Последнюю неделю я особенно часто вспоминаю то, чему научился на борьбе.

За это время я был в кабинете Кристины ещё два раза. Мне удалось выведать, что цилиндрический ключ от хранилища – фиолетовый, с тремя белыми боковыми желобками вдоль всей поверхности. Я нашёл почти такой же ключ в лавке мистера Феликса на рынке «Всемогущая Афина». Его отличие в том, что один из желобков немного не доходит до края. Мне кажется, что с виду ключи практически не отличить. Даже магнитная цепочка, на которую он крепится, один в один.

Кристины в один из дней доставала все ключи и для своих нужд записывала в протокол их коды на нижней стороне. Мне кажется, Кристины хотела просто щегольнуть своей властью, поэтому демонстративно разложила передо мной все ключи. В любом случае, это оказалось мне на руку. Так я и узнал, как выглядит нужный мне ключ. Теперь мне останется лишь подменить на время ключ от хранилища на ключ из магазинчика мистера Феликса. Это будет непросто, но выбора нет.

Сегодня завершающий этап моего плана. Поздно вечером я отправлюсь в НИВПР, чтобы вернуть себе и людям то, что некогда подарила им сама природа. Конечно, вряд ли кто-то сможет сейчас воспользоваться семенами, но по крайней мере я попробую помочь своей сестре. Вчера я лёг чуть раньше обычного, чтобы хорошенько отоспаться. Этой ночью меня даже не преследовал назойливый сон с захлёбыванием в пузыре.

Выхожу из дома. Я переступаю через тонюсенькие швы между плитками, стараясь не наступить ни на один из них, и ещё раз прокручиваю в голове последовательность действий. Подменить ключ, вывести из ангара беспилотник, отключить всю иллюминацию, долететь до института, прыгнуть на крышу, там через вентиляционную шахту на второй этаж первого корпуса, оттуда спуститься в галерею, пробежать...

Внезапно меня отвлекает проносщаяся в нескольких метрах машина. Я дошёл уже почти до края выстеленного плиткой пространства и стою у самой дороги. В Мингалосе мало машин. В основном служебные или такси. Лишь самые состоятельные горожане владеют автомобилями. У тех же, что денег куры не клюют, есть специальные квадromобили, способные летать по воздуху за счёт четырёх двигателей на воздушной тяге. Таких автомобилей я видел в городе всего десятка два. Власти Мингалоса не любят видеть технику в руках горожан, особенно в центре. Три года назад они даже запустили серию плакатов, пропагандирующих пешие прогулки и сохранение чистоты города. Тогда я это воспринимал как экологическую акцию, даже радовался такой инициативе, поскольку сам ходил пешком.

Автомобиль, промчавшийся мимо меня, принадлежит Альбертине Инваритте, матери Кристины. Несколько раз я видел её мельком. Она показалась мне строгой, но справедливой. Мать Кристины как-то обмолвилась при нас, что люди в регионах живут пассивно, не желая делать что-либо для своего же благополучия. Корпорация и государство посылают дотации в самые удалённые регионы, но стоящие на местах начальники лишь разговаривают поступа-

ющие средства. За это их сажают в тюрьму или казнят публично. Она поддерживает такую политику.

Не успел я подумать о матери Кристины, разворачиваясь и идя вдоль пешеходной части дороги, как мимо проскочил полугрузовой автомобиль телевидения. «Вероятно, снимают какой-то сюжет с шишками “Плазмиды”», – подумал я.

Автомобиль Альбертине Инваритте направил мои мысли в сторону Кристины. Что она во мне нашла? Нужен ли я ей на самом деле, симпатичен, или же она просто считает меня своим питомцем и таскает повсюду как аксессуар? В последние дни мы словно бы сблизились. Она даже не шлёт тонну бесконечных сообщений с упрёками. Мы видимся на обедах, в прошлую субботу провели почти весь вечер вместе. Мне несколько паршиво на душе, потому что я играю, а она делает всё по-настоящему. Ощущаю себя манипулятором. Мне бы уже нужно порвать с ней, но никак не решаюсь. Да ещё такое стечение обстоятельств. Может, я узнаю её с какой-то другой стороны и мне станет рядом с Кристины комфортнее?

«Эй, парень, у Кристины такая мамаша, – вдруг одёргиваю я себя, – а твоя сестра и мать живут в нищете. Может, Инваритте потом и подсуетится как-то для Никсы». Кристины несколько раз заикалась про то, что любит детей, но с Никсой почти ни разу сама так и не заговорила, а с моей мамой и вовсе чуть не разругалась. «Да уж, вот получится семейка, если мы поженимся», – смеюсь я про себя. Несколько минут я ещё думаю о возможности будущей семьи с Кристины, но эти мысли быстро улетучиваются, как только я приближаюсь ко входу в Центр исследований «Плазмиды».

Внезапно меня с пят до макушки прошибает тревога. Пальцы рук начинают трястись. Шея сама втягивается в плечи, а между лопатками неприятно потягивает. Сегодня я совершу преступление. Или не совершу – и останусь неудачником. По собственным ощущениям, решимости довести дело до конца всё же больше. Я кидаю робкий взгляд в сторону проходной, затем оглядываюсь назад. Жизнь человека, ни разу ни у кого ничего не укравшего, останется в прошлом, как только я переступлю порог здания, всё переменится. Это абсолютно точно. Я выйду отсюда другим, более сумасшедшим и бесстрашным. С прошлым Трэм Коулманом будет покончено.

Я прохожу через входной проём. Мои глаза бегают, ладони вымокли от нервного пота, бледное лицо отражается в стекле. Мне кажется, что самый полный охранник подозрительно смотрит на меня. Он здороваётся, я едва киваю. Зубы сводит от дрожи. Приказываю своим нервам успокоиться. Опускаю цилиндр, прохожу в лифт. Тело немного отпускает, оно неохотно расслабляется. Понимаю, что всё как обычно. Охранник всего лишь поздоровался. У него нет повода меня в чём-то подозревать.

Агафия сегодня принесла пирог в честь своего дня рождения. Я взял кусок, но почти ничего не съел. В горло еда не лезет, а в живот словно залили бетон, туда ничего не протолкнёшь. Пришлось покрошить куски в тарелку, чтобы создать видимость, будто я попробовал. После обеда я иду к лифту, где меня ждёт скучающая Кристины. Моя рука скользит по правому боковому карману пиджака. Внутри спрятан поддельный ключ.

– Привет, утёночек.

– Привет, Кристи, – едва произношу я с болезненной улыбкой на лице.

– Ты какой-то белый совсем. У тебя всё хорошо? – спрашивает она, глядя на мой лоб.

– Да, всё нормально. Аппетита просто нет.

– А, у меня тоже такое бывает.

– Ага.

– Трэй, сегодня моя мама в здании, – едва слышно произносит она, когда мы заходим в лифт.

– Да? Она по какому-то важному вопросу? – искренне интересуюсь я. Напряжение вновь ощущается в теле.

– Я и не знаю на самом деле, – она пожимает плечами, – просто мне некомфортно. Я боюсь, как бы она не увидела, что я вожу тебя в своей кабинет. Мистеру Плантиксу всё равно, а вот она может потом развопиться. Ну, знаешь...

– Да, я понял. Тогда я могу спрятаться, если она придёт.

– Хм, а что, это мысль. Плантикс сегодня уехал на весь день куда-то. Если мама зайдёт, спрячешься за шкафом или под вторым столом. Ты же не толстый, поместишься. Вряд ли она будет обыскивать кабинет, – она смеётся.

– Годиться, – отвечаю я, в этот момент прикидывая, как поступить с ключом.

Мы по уже отработанной схеме заходим в кабинет, садимся по разные стороны стола, и я вновь слушаю Кристины. Внезапно раздаётся звонок из её коммуникатора. Про себя завидую, что у неё, вернее у её мамы, есть деньги на звонки.

– Это мама, – шепчет Кристины, глядя на внешнюю поверхность коммуникатора, где красно-синие точки то слетаются вместе, превращаясь в «МАМА», то разлетаются хаотично в разные стороны.

– Я понял, – киваю я.

– Да, мам, привет... Ага, да, я в своём кабинете. Ну где же мне ещё быть? – наигранно весёлым голосом произносит Кристины.

Ни я, ни Никса таким голосом с мамой никогда не говорим. Я даже вообразить себе не могу подобной театральности. У них, видимо, так принято.

– Да, конечно. Разумеется, смогу, – продолжает Кристины. – Заходи, я тебе покажу проект практики.

Я настораживаюсь. Ладони сейчас мокнут, кажется, больше, чем перед входом в здание.

– Она будет здесь через две минуты, – с досадой произносит Кристины, завершив разговор.

– Эээ, и что мне делать? Уходить? – спрашиваю я (хотя это не входит в мои планы).

– Нет, ты можешь не успеть до лифта. Прячься за шкаф, я немного с ней поговорю и выведу.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Меньше чем через две минуты в комнату входит Альбертине Инваритте. Я уже за шкафом. «Правильно, что не побежал к лифту», – с облегчением думаю я.

– Ну что тут у вас, мисс Инваритте? – дружелюбно, но властно произносит она.

– Работаем, миссис Инваритте, – бодрым тоном, не теряясь, отвечает Кристины.

Альбертине садится на то место, где ещё совсем недавно сидел я. Несколько минут они говорят о планах «Плазмиды» по изменению программ в колледже. Какие-то части разговора я вообще не могу разобрать. Вероятно, многое из этого они уже обсуждали, сейчас, скорее, сплетничают. В конце их короткого разговора Альбертине Инваритте прощается и просит её не провожать. «Ну же, Кристины, иди с ней. Проводи», – думаю я.

Альбертине встаёт и уходит, Кристины остаётся в кабинете. План разваливается. Мне нужен ключ. Рассказать Кристины про свою идею – исключено. Она тут же доложит матери. Вряд ли она вообще способна понять мою ситуацию. Я выглядываю из-за шкафа. Взгляд Кристины мечется то в мою сторону, то в сторону двери. Тут мне на ум приходит шальная мысль уговорить Кристине посмотреть, ушла ли её мать.

– Ты можешь проверить, она точно ушла с этажа? – спрашиваю я, вылезая из узкого промежутка между шкафом и стеной.

– Эээ, ну давай. Схожу в общую комнату, возьму что-нибудь тебе перекусить, а то ты совсем бледный. Там, может, ещё что-то осталось после обеда.

– Ага, давай, аппетит вроде просыпается, – говорю я, потирая каменный живот и садясь на свой стул.

Как только Кристины уходит, я считаю до пятнадцати, вскакиваю со стула и решительно направляюсь к шкафу. Боковая створка проворачивается туго, но я надавливаю сильнее. Вижу четыре ключа. Один из них мой. Крепко держу в левой руке поддельный ключ, заливая его потом. Аккуратно снимаю с магнитной застёжки заветный фиолетовый цилиндр. Тут же раздаётся оглушающе-высокий звук сирены. «Это что ещё такое?! Так мы не договаривались!» – кричит внутри меня. Я запихиваю ключ мистера Плантикса в карман. Рука сама автоматически вешает поддельный цилиндр из лавки мистера Феликса на место настоящего ключа. Сирена замолкает. Едва я закрываю трясущимися руками створку, как слышу шаги за дверью. Сирена кричала так сильно, что весь этаж уже мог давно сбежаться сюда. Я столбенею от ужаса с явно перекошенным от испуга лицом. Надо что-то придумать. Срочно.

В дверь вваливается Кристины с распахнутыми от удивления глазами. Я рад, что это она, а не кто-то другой.

– Ты ничего не трогал в шкафу?! – спрашивает она, держа в руке кекс.

– Эээ, нет, – я завожу трясущиеся руки за спину. Ищу, что сказать. – Просто, просто, – от волнения глаза хотят сбежать с моего перекошенного лица, – я тут сделал пару гимнастических трюков, чтобы размяться, слегка шкаф задел.

– А, хм... Сильно задел? – спрашивает Кристины и быстрым шагом подходит к шкафу.

– Ну так, пнул слегка и локтем задел.

Стискивая зубы от напряжения, она открывает створку дверцы. Я знаю, что она проверяет там.

– Странно, все ключи на месте, – недоумевающе произносит она и закрывает хранилище с ключами обратно.

– Да я и сам удивился. С чего бы сирене так орать, – я резко вскидываю плечи вверх.

– У нас как-то барахлила магнитная застёжка, тоже пищала сигнализация. Предохранитель на месте, его никто не снимал.

«Болван, – в этот момент выругиваюсь про себя я. – Даже про предохранитель не узнал как следует».

– Ну, может, само там что-то отошло.

– Ну да, надо проверить застёжки.

– Может, угостишь кексом? – перевожу я тему разговора, играя бровями.

– А, да, прости. Вот, держи, – она протягивает мне пахнущую жареным изюмом формовую выпечку.

Через несколько минут, с трудом дожёвывая кусок кекса, я прощаюсь с Кристины и направляюсь к лифту. В лифте ещё раз себя корю за то, что не выяснил про предохранитель. В голове крутится вопрос: «Почему отключилась сигнализация, когда я повесил поддельный ключ?» На ум приходят предположения: либо сигнализация работает какое-то время, либо датчикам всё равно, магнит от какого ключа возвращается на место. Сейчас мне это уже не важно. Ключ доступа к хранилищу у меня в кармане. Вечером я приделаю к нему цепочку и повешу на шею.

До шести вечера, как и положено, зависаю на работе. Время бежит. Я ещё раз обдумываю свои действия. В кабинете Кристины я убедился, что план не совершенен, но назад дороги нет. Я уже украл ключ. Надо действовать дальше.

Покидаю здание исследовательского центра. Через полчаса ходьбы в быстром темпе достигаю ангара с беспилотниками. Сегодня седьмой день, как я получил разрешение на вылет за пределы ангара. Прошлым летом я прошёл курс подготовки пилота на летательном аппарате R.111e RinoPlan. За это в народе беспилотники называют носорогами. Их используют полиция, пожарные, экстренные службы и военные. Сперва мне хотели запретить покидать ангар. После того как я сказал, что интерфейс настроен под меня и для перекодирования под нового пилота могут уйти недели, мне разрешили летать в пределах с четвёртого по девятый пери-

метр. Это как раз то, что мне нужно, именно в девятом периметре находится НИВПР. «Ну что, поехали», – говорю себе я, стягивая рюкзак, в котором у меня припрятано снаряжение.

Я захожу в кабину через грузовой отсек, фиксирую своё тело, надеваю нейрошлем управления, соединяюсь с бортовым компьютером летательного аппарата. И вот мы сливаемся в единое целое – мозг и машина. Беспилотник дёргает, но не сильно. Начинаю вертикальный подъём. Когда махина зависает в воздухе над ангаром, я ощущаю, словно это я сам взлетаю. Границы между мной и машиной стёрты. Один мозг на двоих. Даже автопилот я ощущаю каким-то продолжением своей нервной системы.

Мы парим над городом. Беспилотник то ловко поднимается вверх, то стремительно падает вниз. Автопилот меня подстраховывает, мы с ним вступаем в противоборство. Сегодня мне придётся его победить. До этого я прислушивался к нему, сегодня он должен беспрекословно выполнять все мои команды. Некоторое время аппарат сопротивляется, но затем уступает. Биологический мозг берёт верх над искусственным.

Несколько часов пролетают незаметно. Над городом набрасывается звёздное покрывало ночного неба. Луна сегодня полная и яркая, крыши зданий бликуют. Всё видно почти так же хорошо, как и днём. Я летаю над разными частями города, стараясь не приближаться к крыше НИВПР. Силуэты чернеющих высоток местами озаряются крошечными огоньками зажжённого света. Башня Корпорации величественно возвышается над Мингалосом. Почти во всех окнах есть дежурный синий или обычный бело-жёлтый свет, обрамляющие дуги крыш многих зданий горят ярким зелёным светом. Внизу по паутине артерий центральной части города проносятся немногочисленные машины. Их в городе вроде не больше сорока тысяч, но этого достаточно, чтобы создать гирлянды из огней бегущего потока.

Время переваливает за отметку в двадцать два часа. Пора действовать. Остался час. У меня будет всего двадцать минут, чтобы пробраться в здание и осуществить задуманное. Десять минут останется, чтобы вернуться в ангар. Мой беспилотник зависает в густых кронах высоченных ясеней сквера рядом с НИВПР. Внешний и внутренний свет аппарата отключён. Современные технологии сделали его почти бесшумным, это только на пользу.

Я переодеваюсь, надеваю на глаза очки со встроенным инвертоскопом. На голову натягиваю плотно прилегающую шапочку, чтобы скрыть электроды нейрошлема. Проверяю ключ на шее. В одном кармане моего к этому моменту разношенного камуфляжного тёмного костюма припрятана универсальная отвёртка, в другом – баллончик с жидким замораживающим фризером. Я его обнаружил в бардачке беспилотника. Сегодня у него особая миссия. Жду, пока наступит 22:30, и подлетаю к крыше здания.

Спрыгиваю вниз и отдаю команду аппарату подняться в воздух, облететь круг и вернуться через девятнадцать минут. Иду по крыше института. Всё в точности как на снимках сверху, обнаруженных мной в университетской библиотеке. Ящик основной вентиляционной шахты влит в центр поверхности крыши первого корпуса здания. Решётка хилая, как я и ожидал. Замораживаю крепления. Отсчитываю десять секунд и отрываю решётку. Прикрепляю первую кошку на вакуумную присоску. Её длинная верёвка поможет мне спуститься. В голове засекается таймер. Есть всего три минуты, чтобы проскользнуть по вентиляционной шахте, расставив ноги и руки. Здесь очки как нельзя кстати. Без них не было бы видно ровным счётом ничего.

Добираюсь до нижнего выхода из шахты. Он ведёт прямо к лестнице. Закрепляю две кошки, прицепляю себя к ним. Отвёртка сама трансформирует своё жало, откручивая болты решётки. Спускаюсь вниз, и вот я уже стою на второй сверху ступени лестницы. На всех трёх экранах очков всё чисто.

Прохожу на первый этаж. Пробираюсь к галерее, на потолке тускло мерцают две лампы дежурного света. Переключаю очки в режим слабого освещения. За огромными стеклянными окнами галереи, соединяющей корпуса, лучи лунного отсвета выхватывают из темноты растения оранжереи, стройным рядом сидящие вдоль дорожек. Окна доходят не до самого конца,

поэтому можно проскочить пригнувшись или на корточках. Охранники точно где-то в оранжее, охраняют самое уязвимое место НИВПР.

Осторожно спускаюсь по лестнице, осталось две ступеньки до пола первого этажа. Из-за угла слева раздаются цокающие шаги. Узнаю бьющие по полу набивки на пятках служебных ботинок. Такие же у буйволов, проверяющих поезд. Ранее примеченные мною охранники выглядели неуклюжими, этот вряд ли от них чем-то отличается. Несколько секунд на раздумье – атаковать или спрятаться. Я оглядываюсь по сторонам. Прятаться особо негде, сплошные белые стены отражают лунный свет, струящийся из окна над моей головой. Шаги становятся громче. Мое сердце стучит быстрее. Изнутри грудной клетки начинает жечь. В висках раздаётся гулкая пульсация.

Звон набивок совсем рядом. Из-за угла вырывается пучок света. Рука быстро переключает боковой рычажок смены режимов очков на смешенное освещение, и я отпрыгиваю в темноту. Два нагрудных фонарика и один в руке толстобрюхого охранника заливают лестницу светом. Я прижимаюсь к стене. Кисть сжимается, мой локоть взлетает вверх, и я применяю навыки борьбы, которым научился в этом году. Оглушённый ударом в висок охранник падает на пол. Бедняга от неожиданности даже не смог ничего предпринять. Вряд ли он понял, что вообще произошло. Вероятно, я первый человек, кто пробрался в НИВПР ночью за последние десять лет, а может, и за весь срок существования учреждения.

В кулаке пульсирует боль, отдающая в локоть. Охранник проснётся не раньше чем через час. Интересно, что бы сказал Крис насчёт моего удара? Хорошо, что я нейрофизиолог и даже немного знаю, куда и как правильно бить. Не хватало, чтобы ещё из-за поганой политики Корпорации страдали невинные люди. Охранник лишь выполняет свою работу, и за то, что он рискует, ему приплачивают. Выключаю тумблер чувства вины и осторожно, почти на корточках, выполняю в галерею, ведущую во второй корпус.

Пока всё тихо. Добираюсь до второго корпуса, не поднимаясь в полный рост. Прямо передо мной коридор, залитый чуть более ярким однотонным светом с синеватым оттенком. Вход в хранилище слева. Останавливаюсь. Обернувшись, кидаю взгляд в сторону галереи. Вокруг тишина. Слышу только своё собственное дыхание, выдавливаемое мускулатурой грудной клетки.

Разворачиваюсь и подсакиваю к массивным металлическим дверям в нескольких метрах от меня. Пальцы стаскивают цепочку с ключом, который я вставляю в плитку с углублением на стене справа от двери. Ключ вошёл почти полностью. Но ничего не происходит. Обычно такие ключи сами утопают, и двери открываются. Здесь же тишина. «Какого лешего?!» – выругиваясь я шёпотом. Время нещадно утекает. Осталось около десяти минут, чтобы всё закончить. Пытаюсь повернуть ключ сначала в одну сторону, затем в другую в надежде, что это сработает. Он словно врос в углубление. «Может, я всё-таки ошибся с ключом?» – внутри растёт паника.

Я считаю до трёх и беру себя в руки. Если бы ключ был не тот, он бы вообще не подошёл. Как бы меня тут не застали врасплох. Я вспоминаю заливающий уши высокий звук сирены в кабинете Кристины и тут меня осеняет: «Где-то должен быть предохранитель!» Прощупываю всю плитку по периметру и нахожу снизу малюсенький переключатель. Аккуратно отвожу его. Ключ выскакивает обратно больше чем на половину, и о чудо – двери начинают разъезжаться в разные стороны! Я выдёргиваю ключ и захожу внутрь.

Под колпаками запрятаны выставочные образцы, но мне нужны самые чистые, природные линии культур. Некоторые из них были выведены естественными методами селекции без модифицирования, есть растения – совершенно дикие прародители культур. Быстро подхожу к первому огромному шкафу-сейфу, встроенному в стену рядом с колпаками, стоящими в ряд. Вижу нужную плитку, вставляю ключ, снимаю предохранитель. С шипением и валящим изнутри паром массивная дверь шкафа отходит. Выдвигается ручка, за которую я дёргаю.

Несколько секунд стою, ошарашенный и растерянный. «Неужели это оно? Святая святых истоков домашних растений». Передо мной расфасованные по стеклянным ящичкам семена и зародыши злаковых культур.

Достаю несколько плотно свёрнутых пакетов и отсыпаю один из них – несколько сортов пшеницы, в другой ржи, в третий овса. Вряд ли я буду дома выращивать пшеницу, но кто его знает, что меня ждёт в жизни. Закрываю дверцу шкафа, жду, пока она заблокируется. Во втором шкафу оказываются различные сорта томатов, баклажанов, огурцов, сладкого перца. Я повторяю процедуру, отсыпая в пакетики уже чуть больше.

В третьем клубни различных сортов картофеля, разрезанные кубиками. Я беру совсем немного, так как не уверен, что раздобуду столько почвы. В четвёртом шкафу семена белокочанной капусты поколения F1⁴, надпись на одном из ящичков указывает именно на это. Я вспоминаю бабушкин суп с капустой, наваристый и ароматный. В животе урчит, но я не обращаю внимания. Всплывают обрывки экскурсии Плантикса, рассказывавшего, что часть этих семян была каким-то чудом спасена из коллекции Вавилова⁵. В голове рисуется образ седовластого мудрого старца с бородой. Про себя я ему признателен и ещё за то, что перевёз и сохранил семена. Мне становится совестно за то, что я так варварски единолично распоряжаюсь достоянием общечеловеческого масштаба, но мысли о ситуации с Никсой вновь помогают мне оправдать свой поступок.

Пора закругляться. Отсыпаю семян капусты, хватаю немного из ящичка с укропом, закрываю дверцу. Плотно закрепляю пакетики внутри пояса вокруг моего живота. Теперь я похож на детскую игрушку – волчок. Выхожу, ещё раз быстро оглядываюсь и проверяю, ничего ли я не обронил, вставляю ключ в плитку. Створки дверей смыкаются, вытаскиваю ключ и мчусь в сторону галереи.

Странно, какой-то слишком яркий свет, неужели дежурное освещение стало более интенсивным? Спустя мгновение осознаю, что свет мелькает и струится из оранжереи со стороны улицы. Это светят охранники, они что-то прочухали. Без раздумья переключаю очки в режим усиленного освещения и мчусь вдоль галереи.

– Вот он! Бежит к центральной лестнице! – раздаётся приглушённый крик одного из охранников.

Очки на экранах бокового вида показывают двоих слева и одного справа. Один из тех, что слева, целится в меня. Я едва успеваю пригнуть голову. Вряд ли этот олух в полутьме способен в меня попасть, но всё же надпочечники вбрасывают в кровь солидную дозу адреналина. Звон битого стекла. Сверкающие крохотные кусочки рассыпаются к моим ногам, но я не останавливаюсь и мчусь дальше. Что-то звонко ударяется об пол, и галерея начинает заполняться клубистыми облаками. «Зачем они применили газ?!» – успеваю подумать я.

Оглушённого мною охранника уже нет. Куда он подевался? Или его успели оттащить другие? Взбегая на лестницу, слышу топот неуклюжих ног. Охранники мешкают. Газ теперь явно играет против них самих. Они затормозили, а мне – дополнительное время. Цепляюсь за чёрную верёвку. В очках она выглядит зелено-жёлтой. Кошка втягивает меня в вентиляционную шахту. Не заморачиваюсь с кошкой, чтобы её отцепить от стенки вентиляционной шахты. Освобождаюсь от кошки и пристёгиваю себя к двум другим верёвкам. Подъём занимает меньше двадцати секунд. Это пока самая приятная часть в моём плане. Техника отрабатывает затраченные на неё средства, почти одну пятую от моей заработной платы.

Выбираюсь на крышу. Она влажная. Видимо, конденсат покрыл её после тёплого дня. Мои прорезиненные мягкие кеды скользят, я старательно удерживаю равновесие. Жду беспилотник. Почти как по расписанию в небе над моей головой возникает тёмный массивный

⁴ F1 – дочернее поколение, полученное в результате скрещивания двух родительских особей.

⁵ Вавилов Николай Иванович – генетик-селекционер, создатель крупнейшей в мире коллекции семян.

силуэт. Он подлетел, но не опускается ниже. Мне не дотянуться. Срываю с себя очки. Этого делать не стоит, но мне так лучше видно. Я отдаю аппарату приказ, но он не слушается моих команд.

В это время в десятке метров от меня поднимается тяжёлая дверь, на крышу вылезает сперва один, затем второй охранник. Они вертятся, словно меня не замечая, видимо, ещё не отошли от воздействия газа. Беспилотник продолжает сопротивляться моим командам. Не понимаю, в чём дело. Потом соображаю: пока я лез, сбились датчики нейрошлема. Как могу, поправляю датчики. Беспилотник спускается ниже сперва почти надо мной, а затем вдруг начинает тащиться в сторону края крыши. «Да, технологию стоит ещё доработать, – думаю я. – А мне ещё с этой посудинкой диплом защищать». Чувство юмора не помешает.

Охранники, наконец, меня заметили и двинулись в мою сторону. Беспилотник продолжает лететь к краю крыши. Я следую за ним, стараясь не оглядываться. Выстрел. Мимо. Ещё один. Я почти у самого края, тут невысоко, но, если упасть, кости будут собирать долго. Мне немного страшно прыгать за аппаратом. Но позорнее – быть пойманным с поличным кучкой престарелых служак в форме. Раздаётся ещё один выстрел. Слышу звон рикошета от обшивки беспилотника. Разбегаюсь и прыгаю вперёд. Одной рукой цепляясь за выступ открытого грузового отсека, подтягиваю вторую руку. Напрягаю мышцы пресса, плечей, включаю в работу ноги – и вот я уже в грузовом отсеке. Тренировки с прыжками на стены не прошли даром.

Кое-как прихожу в себя. Снимаю шлем. Автопилот берёт командование на себя. Я вижу, как слева вдалеке ко мне приближаются два дежурных полицейских управляемых аппарата. Их крыша мерцает синим, а нижняя подсветка включена на полную мощность. Это видно даже отсюда. Значит, ребята на вызове. Вероятно, по мою душу. Старпёры успели-таки вызвать полицию. Дело дрянь, но отступать не собираюсь. Пусть ещё попробуют поймать.

Пробираюсь к креслу пилота, снова быстро надеваю шлем. Отдаю команду – мчать на максимальной скорости вперёд. Липкая от пота, всё ещё напряжённая спина прижимается к креслу. Оно не очень удобное. В полицейских аппаратах оно должно быть комфортнее. Иначе как бы они целыми днями и ночами на них летали? Я чувствую, что оторвался. Меня это радует. Но расслабляться нельзя, мой мозг ведёт аппарат сам. Командую свернуть за высотку справа, облетев трубу городского водогрева. Я немного успокаиваюсь, но, вспоминая о времени, вновь начинаю нервничать. На часах беспилотника над широкими окнами табло высвечивает 22:54. Шесть минут до закрытия ангара. Если я не успею, всё пропало.

Я вынырываю из-за здания и вижу летящих слева два полицейских аппарата. Видимо, ребята знают, как срезать, чтоб летать быстрее. Один из них подлетает почти вплотную. Стук и скрежет металла. Слева от окна искры. В кабину просачивается запах палёной обшивки. Неужели где-то щель? Я ещё не так хорошо владею беспилотником, как они, но у меня есть преимущество – мои команды быстрее. Я приказываю аппарату нырнуть вниз, затем уйти влево. Полицейские не отстают, они позади, уверенно сидят на хвосте. Секунда, ещё одна, мозг выстраивает тактику. Через мгновение я резко взмываю ввысь, почти вертикально. Мои позвонки сплющивает от перегруза, такого ещё никто никогда не делал с этими машинами. Полицейские так не умеют, пока не умеют. Возможно, скоро моя технология станет доступна и им.

Я смотрю вниз, два синих прямоугольных огонька проносятся вперёд. Я вижу, как они пытаются развернуться и начать движение обратно и вверх. Но мой беспилотник уже слишком высоко. Я отдаю приказ лететь за пирамиду здания конструкторского бюро. А за ним и ангар как на ладони. Меньше чем за минуту я достигаю башню-пирамиду и скрываюсь от полицейских за ней. На табло 22:58. Я спускаю аппарат вниз. Снимаю пояс, запикиваю в рюкзак, накидываю сверху пиджак и в таком виде мчусь на пропускную. Нет времени сегодня осматривать обшивку, завтра придумаю, как объяснить это начальнику технопарка. Пальцы дрожат от напряжения, спина ноет, а на лбу выступили капли холодного пота.

– Что-то вы сегодня долго, – говорит, слегка улыбаясь, начальник службы безопасности ангара, нажимая на заветную кнопку блокировки периметра всего здания.

– Да, совсем немного осталось до представления технологии начальству, – тяжело дыша, стараюсь максимально небрежно ответить я.

– Да, точно. Когда у вас там?

– Эмм, через четыре дня, – выпаливаю я, хотя сам даже не могу вспомнить точно через сколько.

– Совсем немного.

– Ага.

– Удачи вам, мистер Коулман, и спокойной ночи.

– Спасибо. И вам.

Я выхожу на улицу и понимаю, что огни городского горизонта плывут по диагонали и слегка вращаются. Меня сейчас вот-вот вырвет. Из последних сил я сдерживаю позывы желудка и иду дальше. Не понимаю сам, от чего больше меня мутит – от нервного перенапряжения или от головокружительных трюков в воздухе, а может, от того и другого вместе.

Я почти дохожу до дома, но не выдерживаю. Меня выворачивает прямо на плитку, которая завтра в полдень должна сиять и переливаться разными цветами. Я не могу остановиться, падаю на четвереньки. Рюкзак бьёт меня по затылку. Из рта уже лезет лишь кисло-горький пищеварительный сок, а я всё не могу остановиться. Спустя несколько минут приступ прекращается. Я поднимаюсь на ослабшие ноги, вытираю рукавом пиджака остатки содержимого желудка. Дохожу до квартиры, прохожу по коридору. Сегодня нежные шарики очищающего геля меня не успокаивают. Выпиваю на кухне воды и забираюсь в прохладный душ. Обсыхаю. И заваливаюсь спать после самого необычного дня в моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.